

АННА ДАНИЛОВА

ДВА ЛИЦА ПЬЕРО

Психологический детектив

Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой

Анна Данилова

Два лица Пьеро

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Данилова А.

Два лица Пьеро / А. Данилова — «Эксмо», 2019 — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой)

ISBN 978-5-04-107192-9

Быть птичкой в золотой клетке не так уж плохо. Женя Залетаева была счастлива с мужем Владимиром, состоятельным, добрым и порядочным мужчиной в возрасте. Но безмятежная жизнь закончилась, когда Володя умер от сердечного приступа, а в их дом ворвался неизвестный и попытался убить детей! Теперь Женя в бегах. Ее ждет жаркая, солнечная, сладкая Варна, последний подарок от мужа, новая неожиданная дружба, головокружительные авантюры и даже страстный роман! Здесь молодой женщине предстоит понять, на что она действительно способна...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-107192-9

© Данилова А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

1	5
2	11
3	14
4	15
5	20
6	27
7	33
8	35
8	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Анна Данилова

Два лица Пьеро

1

Такой странный был звук, она даже и не сразу поняла, что это. В гуле, которым было объято все пространство, слышался еще этот стеклянный и такой хрупкий звук.

– Поставь уже стакан, ты сейчас разобьешь его зубами...

Кто это сказал? Женя повернула голову, свою больную голову, и увидела незнакомого человека, который с недоверием поглядывал в ее сторону, что-то записывая в своем толстом потрепанном блокноте.

Стук зубов о край стакана с водой – вот что это был за звук. Ее зубы грозились разбить стакан уже второй раз за месяц. Первый – когда к ней, задремавшей под дверями реанимации, подошел доктор и сказал, что ее муж, Владимир Залетаев, умер. Она и не помнила уже, кто принес ей этот хрестоматийный стакан с водой. И вот теперь снова кто-то добрый и внимательный дал ей воды. И хотя никто не умер, зубы стучали о край хрустального стакана. И этот звук был страшным. Быть может, еще страшнее, чем тот, две недели тому назад. Буквально пару часов назад кто-то проник в их дом, в святая святых – детскую, – и произвел два выстрела по детским кроваткам.

И если бы Женя не заснула с детьми вечером в своей спальне, то ни Ванечки, ни Маши, возможно, уже не было бы в живых. И это просто чудо какое-то, что она мгновенно проснулась и закричала. Да так закричала, что напугала убийцу.

Дом охраняется, у ворот будка специальная с охранником. Повсюду видеокамеры.

– Ты разбила нос своему охраннику, – сказал следователь. Ей было неприятно, что он обращается к ней на «ты». Ну и что, что молода, ну и что, что похожа на девчонку, он обязан обращаться к ней как ко взрослой. Все-таки она мать двух маленьких детей.

Женя посмотрела на свои руки, вытянула их, они дрожали. На пальцах засохла кровь.

– Он спал, а в это время убийца проник в мой дом, стрелял по кроваткам, а перед этим отключил все видеокамеры... От него водкой несет, разве вы не заметили? Скажите спасибо, что я его вообще не убила!

Она и не помнила, как бежала к охраннику, босая, по мокрой от росы траве, как схватила его за грудки, как потом била наотмашь по щекам, носу, губам, приговаривая в истерике: гад, мразь, скотина!

А дети так и не проснулись. Ни выстрелов не слышали, ни ее метания по дому в поисках убийцы – так крепко спали.

В руках она держала тяжелую напольную вазу, длинную и узкую, из толстого стекла, как бейсбольную битку. Если бы догнала стрелявшего, разбила бы ему голову, превратив мозги в кашу.

Но она его не догнала. Да и как догонять, если не знаешь, как он покинул дом, через окно или через дверь. Сетка из окна детской была предусмотрительно вынута и прислонена к стене. Убийца готовил покушение, как-то смог проникнуть в дом. Может, его пустил охранник. Все охранники для Жени были на одно лицо – молчаливые качки с пустыми глазами. Она даже имен их не помнила, Вова ли, Саша... Однако их присутствие делало их большой дом настоящей защищенной крепостью. Что же это случилось, как такое могло произойти, что сразу после того, как не стало хозяина, все рухнуло. И стало страшно. Словно враги, о которых она и не подозревала, вмиг очнулись и поняли, что семья теперь без защитника, уязвима, и что теперь можно вот так запросто проникнуть в дом, готовясь к убийству двух маленьких

детей! Это было просто неслыханно! Дико! Цинично! И кто же этот человек, у которого рука поднялась на малышей?

Выстрелы прозвучали около пяти утра. Сейчас было семь, в доме работала группа криминалистов. Следователь Седов, молодой и какой-то очень бодрый для раннего утра, и сам казался шокированным. Он, осматривая дом, комнату за комнатой, бормотал себе под нос: какой цинизм, какая же жестокость!

Валерий Николаевич Седов был блондином с черными глазами и смотрел на все вокруг встревоженным взглядом, как человек, у которого есть совесть. Возможно, он, увидев простреленные кровати, вспомнил своих детей и представил, что мог бы испытать сам, окажись в подобной ситуации.

По дому, еще не так давно такому чистому, почти стерильному, благоухающему цветами в вазах, которыми были украшены все комнаты, теперь ходили, дымя сигаретами, посторонние люди – эксперты, полицейские, какие-то прокурорские... Некоторые, как казалось Жене, осматривали дом просто из любопытства, чтобы составить представление о хозяевах, прикинуть, сколько может стоить, к примеру, мраморная лестница, устланная ковром, прижатым к ступеням золочеными планками, или набитый гусиным пухом уютный диван, размером в полкомнаты, или коллекция нежных акварельных натюрмортов известной художницы Риты Орловой. Другие же беззастенчиво оскверняли своими отправлениями чудесную, выложенную сверкающей мозаикой мятного цвета ванную комнату первого этажа.

Женя не любила полицейских и всю эту казенную братию, хотя в душе уважала этих храбрых и отчаянных людей. Ведь им подчас приходилось бросаться под пули в мирное время. Просто за зарплату.

– Валерий Николаевич, ведь вы найдете их...

Они на какое-то время остались вдвоем на кухне. Примчавшаяся на такси из соседней деревни ошалелая от известия няня Вика закрылась с детьми в спальне, где ждала их пробуждения. Женя видела ее мельком – белое лицо, огромные испуганные глаза. Поговорить же с ней лично Жене пока не удалось – с ней продолжал беседовать следователь. Спустя время настанет час допроса и самой Вики. Возможно, Седов намеренно не позволил им поговорить до этого момента.

За окном шумел сад, пели птицы, и было даже дико представить себе, что еще недавно кто-то среди этой божественной красоты желал смерти двум маленьким детям.

– Евгения Борисовна, вы говорите, что у вас нет врагов – к удивлению Жени, он, словно услышав ее мысли, перешел на «вы». – Что вы даже представить себе не можете, кто мог бы пожелать... такого вашим детям. Но вы же понимаете, что кто-то намеренно проник в ваш дом, в спальню детей, и произвел два выстрела. Причем убийца, назовем его так, готовился к этому, вы сами видели, он убрал сетку с окна. И после того как выстрелил, выбрался из дома через это самое окно, потом бежал через сад, и дальше, может, через предварительно открытые ворота.

Она смотрела на него и не хотела думать о тех отверстиях в матрасах, в которых застряли пули. Страшно было даже себе задать вопрос: почему убийца не довел дело до конца? Почему не заглянул в спальню, где спала Женя, чтобы проверить, не там ли дети, раз уж они стали мишенями? Достаточно было сделать всего несколько шагов, чтобы открыть дверь, прицелиться и...

Она замотала головой, отгоняя от себя кровавые картины возможного развития событий.

– Я думаю, что убийца очень боялся быть пойманным, – произнесла она, с трудом разлепив пересохшие губы, – поэтому и палил по кроваткам, не глядя, уверенный, что точно попадет. Возможно, если бы в кроватках не было скомканных одеялец и вороха каких-то вещей и подушек, и если бы они были пустые...

Она зажмурилась, вспоминая, в каком состоянии была вечером, когда отправила няню Вику домой, желая остаться наедине с детьми. Не хотелось никого видеть или слышать. И это притом что Вика она любила всем сердцем и доверяла ей, как самой себе. Желание очистить дом от посторонних появилось от невозможности больше принимать посетителей, знакомых и полужнакомых людей, которые валом валили к ним в дом, чтобы выразить свои соболезнования в связи со смертью Залетаева. Даже Катю, подругу и самого близкого ей человека, она попросила уехать. Сначала попросила ее пожить с ней, побыть рядом, потому что в доме все еще продолжал звучать голос Володи, его дыхание или шаги, и это было жутко, а вчера вот попросила ее вернуться домой. Захотелось остаться только с детьми, обняться с ними, набираясь сил, чтобы жить дальше. Ванечка получился точной копией Володи, и, когда подрастет, будет как его отец. Такой же высокий, поджарый, с большими умными глазами и молчаливый. Может, и поседеет рано, как Володя. Уже в тридцать, если верить фотографиям, он был наполовину седой. Кожа гладкая, бледная, щеки розовые, а на голове ежик из серебристых волос.

Когда их познакомили, ему было пятьдесят пять, а ей всего девятнадцать. Брак настолько неравный, насколько и счастливый.

А Машенька младше Ванечки всего на год, ей только два, родилась с мамиными глазами и папиными губами. Самое красивое взяла у родителей. Губы у Володи были красивой формы, хотя и бледные.

...Произошло еще кое-что вчера, о чем ни Вика, ни Катя не знали. Они не слышали, как после обеда, когда Вика укладывала детей спать, а Катя прибиралась на кухне, ей позвонил Кирилл Ракитин, правая рука Володи, управляющий их большим хозяйством, состоящим из мощной сети супермаркетов «Бони» в Москве и области, и сказал, что ждет ее у ворот, на скамейке. Место это называлось «под липой». Скамейку эту любили все водители Залетаева и даже охранники. Там было хорошо посидеть, подремать, покурить, послушать птиц.

– А чего сам не зайдешь? – вяло спросила его Женя. От принятых после обеда лекарств ее тянуло в сон. А жизнь без этих таблеток пока что казалась и вовсе невыносимой.

– Разговор есть. Не хочу, чтобы кто-то слышал.

Она пожала плечами, сказала Кате, что выйдет на пять минут из дома, что приехали с работы Володи, и отправилась на встречу.

Кирилл вышел из своей машины, они сели на скамейку.

– Слушай, если ты по работе, то это не ко мне. Ничего не знаю и знать не хочу. Я не бизнесмен, не бухгалтер, я вообще только школу окончила да компьютерные курсы. Это все. Решать сейчас вопрос о том, что будет с нами дальше, смогу минимум через неделю. Все понял? Насколько я знаю, работа хорошо налажена, ты неплохо справляешься... Пока что никаких перестановок не намечается.

Она хотела, чтобы он поскорее ушел.

– Евгения Борисовна, я хочу, чтобы вы вышли за меня замуж.

Сон исчез. Сразу. Она повернулась к нему, не зная, смеяться ей или послать его куда подальше.

– Ты с глузду съехал, что ли? – вырвалось у нее давно забытое еще со школьных времен выражение. Она и не помнила уже, откуда она вообще знает это странное слово. Грубое и непонятное.

– Я не женат, вы давно нравитесь мне, и если бы мы поженились, то у вас вообще никогда не было бы никаких проблем с бизнесом.

– Типа «приходи ночью в амбар – не пожалеешь»? Так, что ли? Кирилл, ты пьяный или обкуренный? Да что с тобой такое? Ты чего несешь? Я пару дней тому назад похоронила мужа, и ты, совершенно чужой мне человек, приходишь и делаешь мне это бредовое предложение?

– А что за удовольствие было спать со стариком? Я-то, поди, лучше буду.

Он, чужой и опасный, смотрел куда-то в сторону. Красивый и наглый, знающий себе, как мужику, цену. Ему бы любовников играть в сериалах.

Она приблизилась, чтобы проверить свою догадку: да, от Кирилла несло алкоголем. Он выпил для храбрости. Дурак.

– Пошел к черту... – Ее так и подмывало бросить ему «ты уволен!», но она все же сдержалась. Даже рот ладонью прикрыла, направляясь к воротам, чтобы не наговорить лишнего. Все-таки сейчас от него многое зависело в бизнесе.

Охранник, окаменевший после утренних хозяйских побоев и ожидавший в своем игрушечном домике допроса, весь сжался, провожая ее взглядом.

– Да ты дура полная, – вдруг услышала она за спиной, остановилась и резко повернулась, чтобы посмотреть в глаза наглецу.

– Залетаев изменял тебе налево и направо!

Вот теперь он смотрел ей прямо в глаза. Она знала, что это ложь. Володя был другой, не такой, он женщин боялся, потому его и свели с Женей, почти заставили жениться. Он совсем не умел обращаться с женщинами. Не знал, что с ними делать. Удивительно, как они родили двух детей. И каждый раз, обмирая от стыда за то, что вообще прикоснулся к жене, он извинялся, целуя ей руки.

– Ну и что... – проговорила она, охрипшая, потрясенная разговором. – Я не понимаю, чего ты хочешь?

– Жениться на тебе, взять бизнес в свои руки, расширить его. Ты пойми, если не согласишься, то стоит тебе только вступить в права наследования, как ты тотчас узнаешь, сколько денег твой Залетаев должен банкам. Ты пожалеешь, что вообще была знакома с ним. Тебя обложат, как лисицу на охоте. К тому же на него заведено аж три уголовных дела! И только я знаю, как можно выпутаться из этой истории и сохранить хотя бы ваш дом! Подумай о своих детях, дурочка! Ты ничего не смыслишь в серьезных делах. Тебя...

И тут он так грязно выразился, намекая на то, что ее обманут, что она окажется в долговой яме и что детям будет даже нечего есть, не говоря о том, что они останутся без крыши над головой, что Женя испытала настоящий страх.

Да, она ничего не знала о бизнесе мужа, но всегда была уверена, что дела идут хорошо, что все в полном порядке. Именно этим спокойствием она, с детства приученная на всем экономить, и дорожила. Богатство, обрушившееся на нее с этим странным браком, хоть и внесло в душу какую-то неразбериху и щенячий восторг, но и успокоило ее, сделало увереннее в себе.

Она некоторое время просто приходила в себя, недоумевая, как это ее скромный по всем пунктам отец, учитель физики, договорился со своим однокурсником, Владимиром Залетаевым, тоже физиком, случайно и как-то невероятно успешно поднявшегося в бизнесе, чтобы тот женился на его дочери. Григорий Сергеевич Борисов, их общий друг, так до сих пор и молчит, не признается в том, что отец, видимо, давно знал о своей болезни и сделал все возможное и невозможное, чтобы попытаться устроить судьбу Жени. Он всегда боялся, что она, по натуре бунтарка и «маленькая бандитка», свяжется с каким-нибудь шалопаем и загубит свою жизнь.

Женя и сама не поняла, как согласилась на этот брак. Должно быть, на нее сильно повлияла смерть отца. Он оставил ей письмо, в котором попросил не отказывать Залетаеву, когда тот придет просить ее руки. Для Жени Залетаев был просто другом отца. Таким же, как и Борисов. Друзья время от времени собирались у них в доме, играли в преферанс, и Женя кормила их ужином. И никогда она прежде не замечала, чтобы Залетаев смотрел на нее каким-то особенным взглядом. Наоборот, он всегда старался отвести взгляд. Да и ужин не нахваливал, как тот же Борисов. Тихий и скромный, Залетаев просто дарил ей цветы, конфеты, и ей бы никогда в голову не пришло, что когда-нибудь она станет его женой и родит ему детей.

После смерти отца она сразу переехала в загородный дом Борисовых – не могла оставаться одна в квартире. Жена Борисова, Татьяна Сергеевна, как могла согревала ее своим почти

материнским теплом, ухаживала за ней, брала с собой в лес на прогулку или за грибами. Они вместе варили варенье, солили грибы и капусту, готовили ароматное красное варево со странным названием «лечо», ездили в город за покупками – словом, жили. И когда однажды Женя, не выдержав, показала ей письмо отца, практически его завешание, Татьяна Сергеевна, женщина веселая и жизнерадостная, вдруг стала совсем серьезной. Обняла Женю и сказала, что Залетаева знает давно, что человек он хороший, добрый, и что хоть и старше Жени намного, все равно сделает ее счастливой. На вопрос Жени, почему же он до сих пор не обзавелся семьей, Татьяна ответила, что в его жизни были, конечно, женщины, но все корыстные, лживые, что сильно он обжегся, разочаровался. К тому же человек он резковатый, слишком серьезный и ответственный, и что и женщине рядом с ним не так уж и просто. Он молчун. Все свои чувства держит при себе. Но как друг, а именно в этом качестве Татьяна его и знает, верный, преданный, готовый на все ради близкого человека.

Татьяна сама организовала им первое свидание. Залетаев, в строгом костюме и белой сорочке, прибыл к ним за город на черном джипе без водителя. Была жара, но пиджак он так и не снял. Он привез Жене охапку каких-то волшебных колокольчиков (потом Женя узнает, что они называются «лизантус», и сама разведет в саду эти цветы), коробку конфет, золотую брошку в форме бабочки, и после обеда они отправились на прогулку в лес.

– Я хочу, чтобы ты была моей женой и родила мне детей.

Вот так звучало его предложение. Без прелюдий и поцелуев. По-деловому и в то же время дрожащим голосом. Он сильно тогда перенервничал. А к вечеру ему даже стало плохо, Таня отпаивала его корвалолом.

– Ну что, ты согласилась? – спрашивала Татьяна Женю, оставив Залетаева в спальне, где он приходил в себя.

– Да, согласилась.

Конечно, Татьяна ждала подробностей, но Женя приберегла эти воспоминания для себя, не хотела делиться тем, что посчитала принадлежащим только ей одной. Володя сказал, что влюблен в нее, что страдает, что понимает, что не достоин ее, что она совсем юная, но он постарается сделать ее счастливой. И что ей достаточно просто поселиться в его доме.

– Ты понимаешь, что я хочу тебе сказать? – Вот тогда он впервые взглянул ей прямо в глаза. На его бледных щеках проступил какой-то оранжевый румянец.

– Нет... – ответила она, желая услышать подробности. А вдруг она не так его поняла?

– Я могу жить с тобой как с дочерью. Я даже не притронусь к тебе, если ты не захочешь. Ты должна это знать. Но видеть тебя каждое утро для меня будет настоящим счастьем. Я только ради тебя и буду работать, стараться. Да что там, я жить буду только ради тебя.

Вот этого она не могла рассказать Татьяне. Про любовь, про обещание спокойной жизни. Он брал ее под свое крыло, он обещал ей любовь и покровительство.

Для Жени, которая часто влюблялась в своих сверстников и с которыми пропадала на каких-то дачах и сомнительных вечеринках, кружа им головы и целуясь с ними до одури, брак с Залетаевым показался единственным способом как-то остановиться, не сорваться, не забременеть от какого-нибудь рокера в татуировках, крепко пахнущего пивом и бензином.

Вот так и случилась эта свадьба. Пышная и одновременно камерная, в небольшом ресторане в присутствии близких друзей и коллег Залетаева.

...Она посмотрела на Кирилла, но не так, как Залетаева, сдержанная и воспитанная жена покойного Залетаева, а как Женя Стернина, храбрая мальчишница, сорванец в юбке, дерзкая и отчаянная девчонка, свободная от предрассудков и каких-то ограничений и моральных устоев. Она смотрела на этого обезумевшего от своей воспаленной фантазии Кирилла, возмнившего себя хозяином залетаевской империи, взглядом той Жени, которую не знал даже ее

собственный отец, в присутствии которого она научилась вести себя как пай-девочка, смирная и послушная.

И ответила ему трехэтажным площадным матом, которым владела виртуозно. Ответила со вкусом, жирно, словно отвесила тяжелую пощечину. Дала ему понять, что он – ничтожество, ну и что он уволен.

Он выплюнул одно из самых грязных ругательств, которые только знал и в которое вложил всю свою ненависть и презрение к ней, внезапно и незаслуженно разбогатевшей молодой вдове, развернулся и, бросив на прощание: «Ты еще за это заплатишься...» и сел в машину и укатил, пьяно виляя на дороге.

2

– Первое, что приходит в голову, Евгения Борисовна, это возможные наследники вашего мужа, – сказал Седов, – Вы уж извините, это может прозвучать довольно цинично, но если вас троих, считавшихся единственными прямыми наследниками вашего мужа, не станет, то тогда... Сами понимаете. Что вам известно о прошлом вашего мужа? У него есть еще дети?

– Дети?

Она усмехнулась. Когда она родила Ванечку, Володя так радовался и был так счастлив, словно это был его первенец. Кажется, он даже говорил об этом. Или Женя уже сама это себе придумала? Но с чего-то она ведь взяла, что Володя никогда прежде не был женат и у него нет детей. Иначе он сказал бы об этом, хоть как-то бы проговорился. Или же кто-нибудь из его окружения бы сообщил. Нет, все-таки не было детей. Иначе Володя, человек ответственный и щедрый, во-первых, обязательно познакомил бы Женю с ними, а во-вторых, как-то проявил бы свою любовь, заботу к ним.

– Володя никогда не говорил про своих детей, полагаю, что их нет. Но, конечно, разумно предположить, что это убийство было запланировано с единственной целью – убрать всех нас троих.

Она произнесла это и сама испугалась. Да так, что у нее свело живот. Ей показалось, что она потеряет сознание.

– К счастью, что-то помешало ему завершить это дело, но вам, Женя... Надеюсь, мы обойдемся без отчества?

– Валяйте, – отмахнулась она. Мысли ее теперь были только об одном – как можно скорее увезти куда-нибудь подальше отсюда детей.

– Если ты хочешь нам помочь, – Седов тоже решил не заморачиваться и не церемониться, – то вспомни, были ли враги у твоего мужа. Может, ему кто угрожал.

– Вы говорите, как герой киношного детектива, – усмехнулась она, – Да если бы я знала, разве не сказала бы? Все было как обычно. Никто нам не угрожал. Во всяком случае, Володя мне не говорил. Единственным событием, которое потрясло меня, как вы понимаете, была его смерть. Он умер от сердечного приступа, понимаете? Может, его спровоцировали, может, напоили... Не знаю. Но он умер на операционном столе, не приходя в себя. А мы остались совсем одни. Вот так.

В какой-то момент она поняла, что просто тратит время на этот бессмысленный разговор. И что убийцу не найдут. Вряд ли он действовал без перчаток и оставил следы. Не верила она и в то, что он был в сговоре с охранником. Охранник же не идиот полный, чтобы так подставляться. Скорее всего, ему подсыпали снотворное, и он уснул, пропустив убийцу.

Из раскрытого окна кухни послышался шум, голоса. Вернее, женский голос. Женя вскочила, бросилась к дверям.

– Пропустите! – протиснулась она между загорающими на солнце скучающими полицейскими или прокурорскими, отравляющими воздух дымом сигарет, – Слышите? Ишь, раскомандовались! Катя!

И она, выбежав на крыльцо, упала в широкие и жаркие объятия Кати. Мгновенно разрыдалась, словно только сейчас, с Катей, и можно было дать волю своим чувствам, расслабиться и почувствовать себя маленькой девочкой, которой позволено реветь без оглядки.

– Мне Вика позвонила, рассказала... Какой ужас, Женечка! Да кому же в голову такое могло прийти? Может, просто напугать хотели?

– А смысл, Катя?

Женя оторвалась от нее, подняла красное мокрое лицо. Сейчас, посреди этого ада, Катя, подруга детства, простая и грубоватая, одетая нелепо и пахнущая потом, с большими голубыми

глазами, полными слез, с лицом, обезображенным ярко-розовыми островками крем-пудры, под которыми стыдливо прятались кровоподтеки, была ей самым близким человеком. Битая мужем, много чего испытывавшая в своей невеселой жизни с тремя детьми и вечными долгами, Катя была для нее сейчас целым миром, в котором можно было укрыться, успокоиться.

– Да кто ж знает... Но главное, что они живы. Успокойся, на тебя смотреть больно.

И тут Женя улыбнулась. Невольно. Это на нее-то смотреть больно? А на избитую Катю?

– Пойдем уже... – Женя бросила сердитый взгляд на мужчин, молча наблюдавших сцену их встречи, обняла крупную, высокую Катю, одетую в смешной и длинный синий сарафан в белый горох, и повела за собой в дом.

– Вот, господин следователь, знакомьтесь, это Катя, моя подруга. Можете и ей тоже задать вопросы. Она все знает обо мне, так что сами спросите ее, спокойно мы жили с мужем или нет, были у нас враги или нет.

Катя при слове «следователь» побледнела.

– Вы же найдете, кто это сделал? – спросила она, с недоверием глядя на Седова.

– Постараемся...

– Женя, у меня к вам еще один вопрос, который может показаться вам странным. Ваши дети... Они что, до сих пор спят? И даже выстрелов не слышали?

– Я последние дни даю им на ночь теплое молоко с медом. Думаю, поэтому такой крепкий сон. А что? Думаете, им дали снотворное? Вы подозреваете нашу няню? Или вот Катю?

– Я просто спросил...

Седов поднялся со своего места.

– Я буду держать вас в курсе расследования. Надеюсь, что убийца все-таки оставил следы... Не по воздуху же он сюда пришел. А вы увезите куда-нибудь детей подальше.

Она закивала головой. Вот он, Седов, все понимает как надо. Конечно, она увезет.

– Ко мне поедem. Пусть все эти... – Катя, нахмутив свои рыжие брови, бросила недовольный взгляд на Седова, – уходят... Запрет дом и поедem ко мне. И Вику с собой возьмем. Ну, если она, конечно, захочет.

– Решим, – уклончиво ответила Женя, с трудом представляя себе, как они все разместятся в маленьком домике на самой окраине деревни, где нет ни воды, ни ванны, да и туалет на улице. – Мы все хорошенько обсудим и примем решение.

– Натоптали тут... Изгадили все... Не дом был, а дворец, а сейчас – помойка какая-то... Мужики повсюду курят, окурки бросают... Где вас всех воспитывали только! – шипела, как-то нервно прибираясь и звеня посудой, Катя.

Седов, захлопнув блокнот, вышел из кухни. Он явно остался недоволен – как разговором, так и появлением этой толстой рыжей бабы, пахнувшей кисло теплым хлебом. Он недоумевал, что может быть общего у молоденькой и изящной миллионерши Залетаевой с этим чудовищем.

– Катя, оставь... Потом, все потом... – пыталась остановить ее Женя.

– А что, дети действительно до сих пор спят?

– Думаю, уже проснулись. Они с Викой.

Женя, вдруг опомнившись, бросилась провожать Седова.

– Скажите, ваши люди еще долго будут работать в детской?

– Думаю, что скоро закончат. А вы, Женя, все-таки подумайте как следует, кто и за что мог пытаться вас так наказать. Вашего мужа уже нет в живых, поэтому можно предположить, что происшедшее могло быть направлено именно против вас. Сначала могли отравить вашего мужа...

– Как отравить? – Женя нечаянно налетела на внезапно остановившегося Седова, – С чего это вы взяли?

– Понимаете, Женечка... Если бы не стреляли по детским кроваткам, то мне бы и в голову не пришло ничего про вашего мужа. Но поскольку это случилось, то мы должны прорабатывать самые разные версии. И одна из них заключается в том, что вашему мужу могли подсу-нуть препарат, от которого его сердце не выдержало, понимаете? Есть такие таблетки, которые практически не оставляют следа. Поэтому думайте.

– Хорошо, я поняла, – пробормотала она, совершенно сбита с толку, – Подумаю.

– А кто эта женщина, что так не любит полицию, а может, и всех вообще? Ваша родственница?

– Подруга. Что, не понравилась? Просто вы ничего о ней не знаете... Это тот случай, когда судьба женщины стала полностью зависеть от мужа. Думаю, вам этого не понять...

– А разве вы сами, Женя, не зависели от вашего мужа? Разве ваша судьба не изменилась после замужества?

Она вспыхнула. Зачем он это сказал? Как посмел?

– Это не ваше дело, – процедила она. – Вы лучше найдите, кто стрелял в моих детей.

3

Следователь Седов вернулся домой за полночь. В его практике это было первое такое странное дело. Из здания следственного комитета почти все уже ушли, и только он сидел, глуша кофе, перед компьютером и изучал все, что мог найти в интернете о крупном московском бизнесмене Владимире Ивановиче Залетаеве. Он редко давал интервью, на вопросы журнальных отвечал коротко, по существу. О личной жизни не рассказывал. Сеть супермаркетов «Бони». Солидная реклама по телевидению, баннеры, билборды по всему городу с изображением румяной девушки, прижимающей к пышной груди корзину, наполненную продуктами. В полицейской базе Залетаевым и не пахнет. Закопослушный гражданин. Хороший семьянин, если судить по молодой красавице жене, детям и уютному загородному дому. Его смерть была признана естественной, но что-то подсказывало Седову, что бизнесмена убили. Отравили. Да, он так и сказал Жене: если бы не покушение на детей, никому бы и в голову это не пришло. Но покушение-то было! Убийца пробрался в детскую и принялся палить из пистолета. Внаглую. Почему не прошел в соседнюю спальню, где спала хозяйка с детьми? Что его остановило? Получается, что все-таки он и не собирался убивать. А просто напугал. Зачем? Быть может, вдове поступило какое-нибудь предложение – скажем, продать бизнес, – а она не согласилась, и теперь вот начались прямые угрозы, запугивание? Но не слишком ли это жестоко? А что, если бы дети были в своих кроватках?

За ужином он рассказал обо всем этом сонной жене Саше. Она, едва оправившись от родов, училась быть хорошей матерью, с рук не спускала их маленькую дочку, мало спала и почти ничего не ела. Только пила чай с молоком.

– Нет, Валера, ее не напугать хотели. Детей хотели убить, да только у них ничего не вышло. Какой ужас ты мне на ночь рассказал! Бедная эта твоя Залетаева! Такое пережить! Ты посоветовал хотя бы ей уехать? Или спрятать детей?

– Да, Саша, я так ей и сказал. Но у нее и без меня советчиков много.

Он рассказал ей о рыжей бабище.

– Да, правда странная компания. Ты давай, чай допивай и иди ложись, разве можно вот так допоздна задерживаться на работе? Ты же теперь семейный человек, Седов, у тебя дочка есть. Манечкой зовут, не забыл?

Он обнял ее и усадил к себе на колени. Подумал, что такие богатые люди, как Залетаевы, живут все-таки в каком-то другом измерении. Все преступления, совершаемые в их среде, связаны с большими деньгами – наследством, желанием прибрать себе чужой бизнес, украсть деньги, провернуть мошеннический ход... Они словно забывают о простых радостях, о любви, о том, что можно жить просто и счастливо без миллионов. Он поцеловал жену.

– Знаешь, эта Женя – совсем девчонка. Не похожа на жену миллионера. Да и женского в ней как будто бы мало... Если бы я не знал, что она вдова Залетаева, принял бы ее за его дочь. Что-то в ней есть такое, угловатое, мальчишеское... Нет, она не грубая, в ней нет ничего от мальчика, но она сущий ребенок. И вот теперь – вдова.

– Пойдем спать... Хватит уже о работе.

Она не сердилась на него. Поняла, отчего он так встревожен. Ведь у них в спальне тоже стоит детская кроватка.

4

Если закрыть ладонями, как в детстве, глаза – вот он был ночной кошмар, а теперь его словно и нет! – то им четверым, Жене, Кате и Ванечке с Машей, предстояла веселая поездка за город, в деревню, расположенную в двадцати километрах от МКАДа, в ужасный и захламленный домишко с ватагой немытых детей, полупьяным мужем Семеном, густыми клубничными зарослями, молодой редиской и луком. Во всяком случае, именно такая картинка рисовалась, когда Катя сказала, мол, айда ко мне, там уж вас точно никто не найдет. Еще она говорила что-то про пруд, где вода уже теплая, про лодку, на которой можно покататься, про уху на ужин.

После того как дом покинула недружелюбная компания официальных представителей правоохранительных органов и экспертов, от души поработавших в детской, снимая отпечатки пальцев и выковыривая пули из кроваток, Женя вздохнула с облегчением. Дети уже проснулись, были вялыми и плакали; Вика кормила их кашей, Катя, уговорив Женю сменить обстановку и поехать к ней в деревню, деловито собирала детские вещи, укладывая их в большую дорожную сумку.

Женя, уединившись в кабинете мужа, открыла сейф, взяла все наличные – их оказалось не так уж и много, – потом разложила на столе все свои банковские карты (за исключением одной, которую положила себе в кошелек), прикрепила к каждой листок с паролем, запечатала две из них в отдельные конверты, надписав их, остальное сложила в большой конверт, заклеила его и сунула в карман своей джинсовой куртки. После чего сделала один звонок, который длился не больше двух минут. Вот теперь у нее оставалось немного времени, пока дети завтракают, чтобы найти среди своих бумаг, документов, одну важную именно сейчас записку с прикрепленной к ней фотографией. Чувство жестокой досады, что она в свое время не придала значения этому снимку и всему тому, что было с ним связано, не отпускало ее. Ей было стыдно за свое легкомыслие.

Потом она поднялась на самый верх, в мансарду, где в тайнике хранился пистолет. Его она тоже сунула в карман куртки. Спустилась, вывела уже одетых детишек на крыльцо, попросила Катю проверить, везде ли в доме все в порядке, все ли окна закрыты, выключены ли газ и электричество, поручила Вике закрыть дом и гараж, после чего все уселись в белый «Мерседес» Жени, выехали за ворота, которые за ними автоматически закрылись (охранника Седов отпустил, взяв с него подписку о невыезде), и покатали по нарядной, украшенной вазонами с цветами дороге вон из поселка.

На развилке Женя остановила машину, вышла и попросила выйти Вику с Катей. Хрупкая и одетая в джинсы и майку Вика и сарафанистая, такая неуклюжая, с красным мокрым от пота лицом Катя составляли какой-то клоунадный контраст. Жене показалось, что Вика догадывается, что сейчас должно произойти. Катя же почему-то постоянно оглядывалась, словно боясь, что ее может сбить проезжающая мимо машина.

– Девочки, я вас очень люблю и доверяю вам, как самой себе. Но за вами могут следить, те, кто хотел... ну, вы понимаете, о чем я... Словом, вот вам денежки, – Женя дала каждой по конверту. – Вызовите такси и поезжайте домой. Вика, я заплатила тебе за месяц вперед. Думаю, что, когда мы вернемся, когда все закончится, мы обязательно встретимся. Ты знаешь, как дети привязаны к тебе, как любят тебя. А тебе, Катя, я решила помочь с покупкой инкубатора и доильным аппаратом. Я сама найду вас, когда вернусь. А сейчас нам нужно исчезнуть. Спасибо вам за то, что всегда были рядом со мной.

– Мать, ты что, спятила? Ты куда собралась-то? – Это была Катя. Она держала конверт дрожащими руками и выглядела растерянно.

Вика же, понимающе кивнув головой, бросилась обнимать Женю.

– Это правильное решение, Женечка. Я тоже бы так поступила. Те, кто следит за вами, конечно же знают, где мы живем, а потому могут найти. Так что поезжайте.

Женя быстро села в машину, оглянулась, чтобы проверить, что дети сидят в своих креслах пристегнутые, и машина рванула по шоссе. Через пару километров она остановилась и выбросила в траву свой телефон. Вот теперь можно ехать дальше.

Ощущение нереальности происходящего не покидало ее. Проплывающие мимо леса, сады, какие-то станции, придорожные кафе – все казалось декорациями тревожного сна.

Она свернула с шоссе, нырнула в голубоватый сумрак сосновой рощи и покатила по лесной дороге в сторону дачного поселка, где проживали супруги Борисовы. Ее недавний, из оскверненного дома, звонок прозвучал для них явно набатом – они встретили ее у ворот, испуганные, на лицах паническая торжественность, как если бы только что объявили войну. Высокие сосны окружали крепкий добротный двухэтажный дом с тяжелой крышей шоколадного цвета. Стены дома казались нежно-зелеными от молодого еще, в нежных июньских побегах, дикого винограда, выросшего в кожу дома.

– Господи, Женечка! – Татьяна, случайно загоровшая на своих грядках, в съехавшей набок шляпке и желтом ситцевом платье, обняла Женю, – Вот, казалось бы, ты произнесла всего-то пару фраз, но каких!!! Да мы здесь чуть с ума не сошли, ведь правда, Гриша?

Григорий Борисов между тем уже вытаскивал из машины лопочущих детей, целовал их в розовые мордашки, сюсюкал с ними, брал по очереди каждого на руки, прижимал к себе, как сокровища.

– Господи, Ванечка-то как подросток! Прямо мужичок! И джинсы у него модные, и футболка какая красивая! А Машенька? Красавица, ну прямо вся в мать! Пойдемте-ка в дом! Кто тут сейчас будет кушать клубничку?

Татьяна, провожая его взглядом, покачала головой.

– Он как услышал от тебя, что в детей стреляли, стал белый как мел. Честно. Такое потрясение! А ты неплохо держишься. Молодец. И правильное решение приняла. В таких ситуациях нельзя теряться, надо действовать.

– Татьяна, мне надо поговорить с вами... Все не так просто, как вам могло показаться.

За чаем на террасе она объяснила, как представляет себе дальнейшее развитие событий.

– Послушайте, я не могу рисковать еще и вами, а потому прошу вас на время уехать куда-нибудь отсюда. Предположим, в какой-нибудь санаторий. Вот, я привезла вам все свои деньги, – она выложила на стол пухлый конверт, разорвала его трясущимися руками, и из него выпали деньги и банковские карты, – Здесь и наличные, и карты с паролями... Попро-сите надежных людей, друзей или соседей, присмотреть за вашим садом-огородом, пусть поли-вают-пропалывают, заплатите им щедро. Те люди, что решились на такое – стрелять в моих детей, – готовились к этому, значит, кое-что знают о нашей семье, обо мне, о моих друзьях.

Пока Женя говорила, почувствовала себя плохо, стала задыхаться, вышла на свежий воз-дух. Рассказала, прислонившись к каменной садовой раковине, как резко и не по-человечески ей пришлось только что расстаться с самой близкой своей подругой Катей и няней Викой.

– Ох, наверняка снова ей денег дала... – проворчала Татьяна, которая никогда не скры-вала своей неприязни к Кате. – Что у тебя с ней общего, никак понять не могу...

– Да мы же с ней с детства дружим, еще с тех времен... Дядя Гриша, – обратилась она к мелькающему в кухонном окне Борисову, который, конечно же, все слышал, – вы же все знаете, объясните Татьяне, что Катя – близкий мне человек. Что она, хоть и постарше меня, но подруга, она из той еще жизни, когда мы с папой питались одной гречкой!

– Да не слушай ты Татьяну! – весело отозвался Григорий, занятый детьми, – Мы вон сейчас сырники покушаем, правда, Машенька?

– Вообще-то, они только что завтракали...

– Так уже обедать пора! – воскликнула Татьяна. – Время-то – второй час!

– Они спали очень долго... Даже выстрелов не слышали, представляете? А как проснулись, тут уже и Вика приехала, кашу им сварила. Таня, вы бы видели, сколько полицейских да прокурорских понаехало... Прокурили весь дом! Да только я уверена, что не найдут этих уродов. И те, кто это сделал, наверняка были в перчатках.

– Ты сядь, успокойся. Трясешься вся, того и гляди упадешь, – Татьяна подлила Женечку чаю, – Бог с ней, с Катей. Знаю, что она тебе как бы по наследству от своего отца осталась, что вы соседями долгие годы были еще там, на старой квартире. И что ты не можешь бросить ее, что помогаешь ей, но вот сейчас ты правильно сделала, что не поехала к ней. Сама же рассказывала, как муж лупит ее, когда пьяный. Нечего тебе делать там, хорошо, что сюда приехала. Все, успокаивайся и не переживай.

– Вы, думаю, поняли, что мне надо уехать. Не могу бездействовать. У меня дела. Надо позаботиться о детях.

– Ты о чем? – нахмурилась Татьяна, – Ты же детей с нами оставляешь!

– Я имею в виду их будущее. Дело в том, что... Ох, мне надо бы с дядей Гришей поговорить.

– Гриша! Иди сюда!

Григорий спустился с крыльца, и, хотя он старался улыбаться, у него это не очень-то хорошо получалось.

– Слушаю тебя, Женечка. С детьми я все понял, мы сегодня же найдем по интернету более-менее приличный санаторий или дом отдыха где-нибудь поблизости, договоримся с нашими соседями...

– Только ничего не объясняйте им! – воскликнула Женя.

– Нет-нет, упаси боже! – энергично закивала Татьяна.

– А ты куда сейчас? Тебе же тоже грозит опасность! Господи, да что же это такое?! – сетовал Борисов, – Чем мы тебе еще помочь можем?

– Поскольку я совсем не понимаю, откуда ветер дует и что этим уродам нужно от меня...

– Как что? Ясное дело – бизнес Володин! – уверенно предположила Татьяна.

– Вот и я тоже так думаю, – сказала Женя. – Скорее всего, это бандиты... Хотя я-то думала, что подобные истории остались как бы в прошлом. Словом, я честно скажу – готова отдать все, только чтобы меня с детьми оставили в покое. Пусть покажут уже свое лицо, пусть позвонят или напишут, чего они хотят, и я все отдам.

– А что, еще не звонили? Ты совсем никого не подозреваешь?

– Подозреваю. И постараюсь с этим разобраться. Приду и скажу, что готова все отдать... Но, чтобы мы не остались совсем уж на улице и без средств к существованию, я поеду... Нет, пока не скажу, куда поеду. Лучше вам совсем ничего не знать. Ну, а теперь самое главное. Дядя Гриша, поскольку мы сейчас как слепые котята и не знаем мотива преступления, а просто пытаемся понять, догадаться, что вообще происходит, я не могу оставить без присмотра «Бони». А потому я хотела бы составить на вас доверенность на ведение всех моих дел здесь. Генеральную доверенность.

– Что? Женя!!!

– Ну не на Катю же ей составлять доверенность или на няню! – всплеснула руками Татьяна, – Что еще ей остается делать?!

– Я понимаю, что вы – учитель физики и далеки от бизнеса, как и я. Но я знаю человека, который поможет вам в делах.

– Кажется, его зовут Кирилл, да? Правая рука Володи.

– Нет, ни в коем случае. Я его уволила. Пока еще не официально, но он уйдет и не будет вам мешать. Это я беру на себя. Так вот, в головном офисе, на Варшавке – вы знаете, где

это, – отдел бухгалтерии возглавляет скромный такой человек по фамилии, запоминайте или запишите – Румянцев Сергей Петрович. Очень преданный Володе человек, толковый, большая умница. У него характер не боевой, он очень неуверенный в себе человек, об это я знаю, конечно, от Володи, и потому он не стал директором. Так вот, в него надо вдохнуть эту самую уверенность, объяснить ему, что только с его помощью мы сможем удержать на плаву бизнес. Вы можете от моего имени задавать любые вопросы, он сам вам подскажет, как быть, что сделать... А я с ним предварительно переговорю. Звоните нотариусу, любому... Пусть немедленно приезжает сюда. Я заплачу сколько нужно.

– Гриша, звони Кузнецову, он придет, я его знаю. Поможет.

– Вот и отлично, подождем. А мне надо бы поспать. Я не уверена, конечно, что мне удастся это сделать, но просто боюсь потерять сознание.

– Правильно, Женя. Пойдем в дом, я постелю тебе.

Если бы ей кто сказал, что она, привыкшая во всем и всегда полагаться на мужа, вдруг разовьет такую бурную деятельность и начнет принимать самостоятельные решения, она бы не поверила. Это была словно и не она. Откуда все эти мысли, эта четкая расстановка приоритетов, план действий? Ею словно кто-то руководил. Да, был бы жив Володя, он бы удивился, может, порадовался за нее. Оценил бы ее выбор. Все-таки Борисовы – самые близкие семейные друзья.

Татьяна постелила ей в комнате для гостей. Постельное белье было розового цвета и пахло мылом. Шторы комнаты были задвинуты, чтобы свет не мешал уснуть. А сна не было, не было! Когда у Володи были проблемы со сном, она сама учила его, как расслабляться. Вот каждую мышцу отпустить, чтобы она отдыхала. Женя легла на спину, расслабилась. Закрыла глаза. И словно закружилась на карусели – сон наконец укутал ее покоем...

Нотариус, неразговорчивый и не улыбочивый человек, приехал на новенькой BMW черного цвета. Худой, в сером костюме, похожий на большую костлявую птицу, он поднялся в дом, расположился в гостиной за столом, водрузил на него свой ноутбук. Разговор с ним был короткий. Он сразу понял, что от него требуется, вписал в шаблон данные паспортов, спросив на всякий случай, подала ли Женя заявление на вступление в наследство. Женя, усмехаясь про себя, вспомнила, как на следующий день после похорон в доме появился Кирилл с нотариусом, который и прежде вел семейные дела. Подсутился Кирилл, побеспокоился о том, чтобы вовремя обсудила вопрос с наследством. Все проверили, выяснили, что при отсутствии завещания Женя с детьми – единственные наследники. Да если бы тот дотошный и опытный нотариус не был хорошим знакомым ставшего опасным Кирилла, она бы и сейчас пригласила его. Но береженого бог бережет. Не нужен никакой знакомый нотариус. Пусть будет вот этот, борисовский приятель.

– Вы понимаете, что передаете господину Борисову генеральную доверенность? Осознали, что передаете ему все полномочия? Что он теперь вправе от вашего имени совершать сделки, подписывать договор, получать деньги...

– Да-да, я все понимаю.

– Хорошо. Тогда поставьте вот здесь свои подписи...

Нотариус уехал с солидным гонораром в кармане. Григорий налил себе коньяку, взволнованная такими серьезными событиями Татьяна быстро нарезала лимон, поставила перед мужем блюдце.

– Ну и дела... – она присела на краешек стула и словно боялась дышать. – Гриша, ты сам-то понимаешь, какая теперь на тебе ответственность?

– Татьяна, не пугайте его, он и так напуган. Повторяю, Григорий Сергеевич Румянцев вам поможет. Да, кстати, можете от моего имени уже официально уволить Кирилла Ракитина. Это необходимо сделать в первую очередь. Ну вот, собственно говоря, и все!

– Женечка, девочка моя! И куда же ты теперь?

– Как мы с тобой будем связываться? По телефону, думаю, глупо... – сказал Борисов.

– Никак. Пока никак. Вы зарегистрированы в Фейсбуке?

– Нет, он понятия не имеет, что это такое. Я там зарегистрирована.

– Вот и отлично. Попрошусь к вам в друзья, вы свяжетесь со мной, возможно, я буду с чужим телефоном... Ох, не знаю пока ничего, совсем... Словом, как-то разыщем друг друга, и вы будете держать меня в курсе ваших дел: как дети, здоровы ли...

– Ты далеко собралась?

– Не могу сказать. Честно.

Зная о бандитах лишь по фильмам и представив, что Борисовых пытаются, она решила промолчать о своих планах.

– Если вдруг случится такое, что на вас выйдут... – Она и сама испугалась того, что сказала, – Так вот, если спросят, где я, скажите, что меня спрятал у себя следователь Седов. И добавьте, что знаете о том, что я готова пойти на все их условия, только чтобы нас оставили в покое. Что с нас хватило этих выстрелов...

– Но история странная... – задумчиво проговорил Борисов, погружая пальцы гребнем в свои белые волосы и оттягивая их в нервном порыве, словно проверяя на прочность. – Казалось бы, ну сказали бы, чего хотят, а после уж пугали...

– Да, чуть не забыла. Вот ключи от дома. Сейчас я дам вам визитку охранной фирмы, там есть один человек, его зовут Никита Вадимович, он хороший знакомый Володи. Скажете ему, что мы с детьми уехали и просили его присмотреть за домом. Он сделает все как надо. На него можно положиться. Еще, вот – визитка следователя Седова, на всякий случай. Ну вот, кажется, и все. Мне пора. Да, машину у вас оставляю, спрячьте ее к себе в гараж. Не надо, чтобы она светила. Вы можете вызвать мне такси?

Она нашла детей на кухне сидящими за столом. Маленькие, перемазанные сметаной, они, заливаясь смехом, причину которого не могли знать взрослые, поедали сырники. Женья крепко обняла каждого, поцеловала и, чтобы не разрыдаться, выбежала из дома.

5

Такси притормозило у главного входа в офис компании «Бони». Женя расплатилась с водителем, но попросила подождать ее ровно полчаса.

Она стремительно вошла в приемную, где бывала много раз, когда приезжала к мужу, поздоровалась с удивленной секретаршей и, не сказав ей ни слова, но предчувствуя, что Кирилл находится именно в кабинете покойного хозяина, а не в своем кабинете с табличкой «Директор», распахнула дверь и ворвалась туда.

Кирилл восседал на месте Владимира Залетаева не с видом человека, который примеривает на себя чужую жизнь, а как настоящий владелец компании. Жене показалось, что он даже побрился с особой тщательностью, да и волосы причесал, явно пользуясь гелем или лаком, чтобы все было в порядке, идеально, как и полагается настоящему хозяину жизни. Темный костюм в полоску и белоснежная сорочка с галстуком рубинового цвета дополняли его образ преуспевающего бизнесмена.

В мгновение Женя оказалась напротив него, их разделял только стол с аккуратно разложенными на нем документами. Она достала пистолет и прицелилась Кириллу прямо в лоб.

– Если ты сейчас же не озвучишь, чего хочешь от меня и зачем ты покушался на моих детей, я прострелю твою башку немедленно, и, заметь, мне ничего за это не будет.

Кирилл, машинально рванув ворот рубашки, словно задыхаясь, начал сползать по креслу, страшно тараща свои и без того большие коровьи глаза.

– Ты слышишь меня? Весь кабинет будет красным от твоих мозгов!

– Ты чего, Женя? Какие дети? Мозги? О чем ты?

– Считаю до трех. Если ты прямо сейчас не назовешь мне свои условия, при которых оставишь нас в покое, предварительно не объяснив, что вообще происходит и в чем провинились перед тобой Машенька с Ваней, я стреляю!

Она понятия не имела, как заряжать пистолет, времени потренироваться и пострелять где-нибудь в лесу у нее тоже уже не оставалось. Однако она была готова шарахнуть этим тяжелейшим пистолетом Кирилла по голове со всей дури, причем не один раз. Картинка с простреленной кроваткой стояла перед глазами.

– Раз... два...

– Да постой ты! Какие еще дети? Я ничего не понимаю! Просто я подумал, что ты не разбираешься в делах, а вместе мы бы сильно поднялись, я знаю, как расширяться, у меня куча планов в голове! К тому же... – Пот уже катился по его лицу крупными каплями, – Мне надоела моя девушка, я не знал, как от нее избавиться. А ты мне всегда нравилась. Вот я и подумал, что самое лучшее, что мы могли сделать, это пожениться!

– Вот придурок! – Она еще ближе подошла к столу, пистолет был в нескольких сантиметрах от головы Кирилла.

– Да я просто напился, приехал к тебе сам не свой... Я идиот, это правда, но я не понял, при чем здесь твои дети?

– Рано утром кто-то стрелял по детским кроваткам... Я подумала, что это ты. Кирилл, если ты знаешь, кто эти люди и что им от меня нужно, скажи. Я все отдам, чтобы только нас оставили в покое.

– Да я ничего не знаю! Это не я!

Тут ее взгляд упал на портрет в рамке, который Залетаев держал на столе среди бумаг. Это был ее портрет, и он находился на своем месте, словно новый хозяин компании должен был смотреть на него с теми же чувствами, что и прежний.

– Значит, так. Убирайся отсюда, из компании. Ты уволен. Причем официально, с сегодняшнего дня. И чтобы ноги твоей здесь не было. Быстро, пока я не передумала и не пальнула в тебя!

Кирилл, спотыкаясь, выбрался из-за стола и кинулся к двери, бормоча «бешеная», «совсем спятила»...

Перед самыми дверями резко повернулся:

– Я не стрелял. Я бы не смог. Да и зачем? Я действительно хотел, чтобы мы поженились.

– Да? А кто угрожал мне, что оставит нас без средств к существованию? Что найдет какие-то несуществующие долги? Может, я все это придумала?

– Ну я придумал, нарочно, чтобы испугать тебя, дурочку... Ты же пропадешь без меня! Тебя обманут! Компания развалится...

– Пошел вон! – Женя больно ткнула пистолетом в живот Кирилла, выталкивая его из кабинета. – Не дорос еще до этого кресла, понятно? Вот пройди такой путь, как Залетаев, тогда и посмотрим.

Она быстро, чтобы не заметила секретарша, спрятала пистолет в сумку, они вышли вместе с Кириллом из кабинета.

– Зоя, – обратилась она к секретарше по имени Люда, худенькой чистенькой женщине неопределенного возраста, испуганно хлопающей ресницами, даже привставшей со своего места, словно для того, чтобы лучше услышать и понять то, что скажет ей вдова бывшего шефа, которому она всегда служила, что называется, верой и правдой. – Подготовь приказ об увольнении Ракитина.

– А кто его подпишет? – невольно сорвалось с ее языка.

– Румянцев. Пока что он будет занимать вот этот кабинет, поняла? Если будешь работать с ним так же, как и с Владимиром Ивановичем, так же честно и преданно, не буду искать тебе замену.

– Хорошо... Я поняла. Все сделаю.

Кирилл Ракитин вышел, громко хлопнув дверью. Женя вышла следом, дошла до кабинета главного бухгалтера, вошла и плотно прикрыла за собой дверь.

Сергей Румянцев, мужчина средних лет с неприметной внешностью, да еще и в сером, мышинного цвета, костюме, сидел за огромным столом перед компьютером и работал. Увидев Женю, он поднял голову и посмотрел на нее так, как если бы к нему вошел сам Залетаев. Или его призрак.

– Евгения Борисовна? Чем могу служить? – Он, как и секретарша Люда, привстал со своего места, показывая свою услужливую сутулость и длинные руки.

– Сережа, Владимир Иванович очень ценил тебя, считал тебя человеком умным, талантливым и, главное, преданным ему и нашему делу, а потому сейчас, когда его не стало, прошу тебя – помоги. Ты готов занять место главного директора и продолжать работу так, как это было при Залетаеве?

– Вы серьезно? – зачем-то спросил он, все еще не веря в услышанное. Он и сам был последнее время неспокоен, все думал, предполагал, кто станет управлять компанией. Понимал, что, скорее всего, Ракитин. Толковый парень, но ведь притащит сюда своих людей. Оставит ли его, Румянцева, в должности главного бухгалтера или нет? А тут вдруг такое предложение! И радостно, и страшно одновременно, – Я готов. Может, с коллективом, с некоторыми отдельными людьми (он имел в виду как раз Ракитина) мне будет трудновато, но все дела-то я знаю. И людей знаю, которые помогут мне разобраться.

Он никогда еще в жизни не принимал решений так быстро, резко, отчаянно. Словно бросился в ледяную воду или вообще нырнул в прорубь!

– Я не сомневалась. Поэтому-то именно к тебе уже в самое ближайшее время придет один человек, мое доверенное лицо по фамилии Борисов, и вы оба сядете и распределите все обязанности. Помоги ему, а он поможет тебе – у него есть право моей подписи, понимаешь?

– А я могу узнать, кто он такой? Борисов? – Неожиданно осмелел Румянцев.

– Друг моего отца.

– Понял. А Ракитин? Что с ним?

– Я его только что уволила. Люда сейчас готовит приказ, а ты поставишь свою подпись, понятно?

Его отпустило. Уф, вот и все. Слава богу, все останется практически без изменений. Люди, сплоченный коллектив, будут выполнять свою работу, а он, Сергей Румянцев, все контролирует. Отлично.

– Можете на меня во всем положиться, Евгения Борисовна. Я не подведу, – он чуть не бросился ее обнимать, расчувствовавшись. Известие о том, что Ракитин уволен, придало ему сил и уверенности.

– Вот и отлично. Ну, все, мне пора.

Женя пожала его большую теплую руку и вышла из кабинета. Она не видела, как он, сжав от радости кулаки и даже подпрыгнув на месте, высоко поднимая колени, бесшумно закричал: «А-а-а-а! Супер!»

Таксист дождался ее. Она назвала адрес, и уже через четверть часа входила в маленький офис знакомого турбюро, где они с мужем не так давно заказывали ей шенгенскую визу – они планировали отправиться на ее день рождения в Париж. И если бы не сердечный приступ, в ее спальне на стенах появилось бы еще несколько новых картин с изображениями улочек Парижа, купленных ею на Монмартре. Из каждой парижской поездки она привозила картины, сувениры, духи. Как же давно это было, или ей так кажется? Это была другая жизнь, счастливая и не очень, странная, словно она и не жила, а готовилась к какой-то другой, совсем другой жизни. Самостоятельной жизни. К свободе.

И вот теперь она свободна. И это не был развод, о котором она время о времени подумывала, потому что понимала, что в этом браке она дышит словно не полной грудью. Это была смерть, которая неожиданно окрасила прошлое, их брак, в самые светлые и радостные тона. Только после того как она потеряла мужа, она вдруг поняла, что была счастлива с ним. Ну, или, во всяком случае, полностью защищена. Она жила без проблем, не считая детских болезней и тревог, связанных с детьми. Но тогда откуда она знала, что существует и другая жизнь, быть может, не такая безопасная и беспроблемная, но бурная, наполненная яркими эмоциями и переживаниями, встречами и расставаниями, очарованием и разочарованиями? Жизнь Кати, которая напоминала военные действия, не в счет. Такой жизни Женя не пожелала бы и врагу. Но Катя сама виновата, что терпит алкоголика-мужа, его побои. Она слабая, никак не может расстаться со своим собственным «карманным» (как она сама выражалась в минуты радости) тираном. Значит, ей это нужно, эти драки и крики, залитые кровью глаза и синяки по всему телу, чтобы потом, помирившись с этим уродом, почувствовать себя счастливой. Сколько раз Женя предлагала ей свою помощь, готова была оплачивать ей квартиру в Москве, куда бы она переехала с детьми. Но, с другой стороны, что она делала бы там, в огромном городе? Чем занималась бы? На что жила, кормила детей, одевала их, учила в школе? Все требовало денег, и немалых. В деревне же у нее сад и огород, козы, куры, утки, хозяйство, словом. К тому же она словно приросла к своему дому, оставшемуся ей в наследство от ее бабки. Она и мужа, с маленьким чемоданчиком, привела туда, чтобы нарожать ему детей. Она сама себе выбрала свою судьбу. А какая судьба теперь ожидает Женю? И как страшно, чудовищно началась ее свободная жизнь! С покушения на ее маленьких детей!

Интересно, как поступил бы Володя, если бы такое случилось при нем? Прибил бы охранника. Закопал бы. И хотя Женя никогда не видела мужа разъяренным, агрессивным – он вообще был очень спокойным человеком, – но ради детей, которые были для него самым важным в жизни, он уж точно поднял бы всю Москву, подключил бы все свои связи, чтобы только найти, кто стрелял по кроваткам. Но Володи нет, и Женя должна действовать сама.

Итак. С бизнесом разобрались – им займется Борисов с Румянцевым. За детьми присмотрит Таня, увезет их куда-нибудь в санаторий, чтобы их никто не нашел. За домом будет приглядывать Никита Вадимович. Теперь главное – быстро покинуть страну и заняться важными делами, касающимися будущего детей. Во всяком случае, в это трудное время, когда семью явно хотят уничтожить, надо сделать все возможное, чтобы почувствовать крепкую почву под ногами.

Это в кино охотятся за заграничными счетами миллионеров, в реальной же жизни, вот прямо сейчас, когда жизнь ее семьи висела на волоске и те, кто запланировал их уничтожение, наверняка подобрались уже и к счетам, и к многочисленным объектам недвижимости в Москве, а может, и в Италии, где вот уже два года стоит запертый особняк, ей нужно просто заявить свои права на небольшой отель в Варне. Это был последний и такой странный подарок, который Залетаев сделал для своей жены.

– Но почему в Варне? Почему в Болгарии?

– Понимаешь, Женечка, Болгария – это такая тихая и спокойная страна, где ты в случае каких-то непредвиденных сложных обстоятельств сможешь переждать шторм, отдохнуть, прийти в себя и, находясь далеко от России, все равно будешь чувствовать себя довольно комфортно. Ты же не знаешь иностранных языков, а в Болгарии практически все тебя поймут. К тому же там очень любят русских. Да и детям там будет хорошо, там тепло, море, фрукты.

Сейчас, оказавшись в стенах турфирмы, где все напоминало ей о путешествиях, дышало какой-то радостью и ассоциировалось у нее с мужем-волшебником, она словно услышала эти его слова и почувствовала, как глаза наполнились слезами. Она на похоронах почти не плакала, ей казалось все нереальным и невозможным. А вот здесь, в этом маленьком офисе, украшенном рекламными фотоплакатами с видами красивейших городов мира, тропических островов и комфортных курортов, Володя находился где-то рядом с ней, она чувствовала его присутствие, словно он одобрял это ее решение.

«Поезжай, найди этот отель, пережди там, а потом сама разберешься...»

Вот такие слова она готова была услышать от него.

– В Варну? Чудесно! – Девушка-оператор взяла своими холеными ручками с розовыми блестящими ноготками проспект и протянула Жене. – Вот, посмотрите. Это прекрасный морской курортный город. Очень уютный, красивый, и там полно русских. Вы уже выбрали отель или я могу вам предложить?

– Мне нужен просто билет, желательно на завтра или даже на сегодня. У меня есть виза, вы знаете, мы с мужем делали ее здесь, у вас.

– Ну да, конечно, отлично помню. Вы одна летите или с ним?

Улыбка у девушки была слово приклеена. А глаза думали о чем-то своем.

– Мой муж умер несколько дней тому назад, – прошептала, глотая слезы Женя.

– Господи... Вы простите меня... Ох, как неловко... Да, да, я понимаю вас... Вам нужно сменить обстановку. Это правильно. Сейчас я поищу вам ближайший рейс... Знаете, только рано утром, в шесть. Устроит? Аэропорт Домодедово.

– Устроит.

Конечно, она понимала, что те, кто будет охотиться за ней или уже начал охоту, без труда вычислят Варну. Ну и что? Варна – большой город. Там она сможет затеряться. Главное, не регистрироваться в другом отеле. Вот приедет, разыщет свой отель, заявит свои права на него

(хотя, она понятия не имела, как это делается и вообще, что она будет с ним делать), словом, во всем разберется, потом свяжется с Борисовым, и он расскажет ей, как продвигается расследование, кого нашли, кого подозревают. Что там с охранником? Связана ли эта история с Кириллом Ракитиным? Да, напрасно она не рассказала следователю Седову о Кирилле, о его угрозах. Но ей так хотелось самой приставить ему пистолет к виску...

И тут она обмерла. Вспомнила, что в сумке у нее пистолет, от которого необходимо немедленно избавиться.

Забронировав билет, она поблагодарила сконфуженную девушку-оператора, зашла в туалет, отмотала от рулона туалетную бумагу, слегка смочила ее и протерла пистолет со всех сторон, потом замотала и сам пистолет густо бумагой и снова сунула в сумку. Вышла на улицу и бросила его в урну. Все.

Вызвала такси и отправилась в аэропорт. Маленький рюкзачок с кредитками и документами – это все, что у нее было. Вот так, налегке, она вошла в шумный, заполненный людьми аэропорт и смешалась с толпой. Она и не помнила, когда чувствовала такую вот, абсолютную свободу. Какое счастье, что на свете есть Борисовы! Конечно, будь у нее возможность позвонить и справиться о детях, она сделала бы это незамедлительно. Но телефон – опасная штука. Обойдется. Жили же люди раньше без телефонов, и ничего!

Пройдя раннюю регистрацию, она оказалась в зоне ожидания, в тихом и спокойном месте, где заняла столик в кафе и смогла наконец перекусить. Сочный стейк, салат, вишневый сок и кофе – это то, что внесло в жизнь немного удовольствия и придало физических сил. Она старалась не вспоминать, как обедала здесь вместе с мужем, когда их рейс в Рим задержали, как предусмотрителен и нежен он с ней был, как старался во всем угодить, это было в первые месяцы их брака, когда Женя носила Ванечку, и ей почему-то постоянно казалось, что Володя испытывает по отношению к ней чувство вины. Что было не так в их браке, чего он мог ей недодать? Слушая рассказы Катюхи, с вечно подбитым глазом (каждый раз почему-то правым), о том, что происходит в их семье и как ее муж относится к ней, Жене казалось, что ее Володя просто идеален.

«Тебе хорошо, твой-то не бьет тебя!» – говорила Катя со вздохом. И Женя, которой за многие годы порядком надоела эта песня, лишь пожимала плечами. Мол, это твой выбор.

Но время от времени глаза подруги светились искренней радостью, она словно оживала и лучилась счастьем. Туманно объясняла это свое состояние ночным примирением с мужем, его внезапно расцветшими чувствами к ней, что представить себе в отношении этого пьяницы Семена Женя просто не могла.

Володя тоже, как и Татьяна Борисова, не одобрял дружбы Жени с Катей. Он не был с ней груб, просто не понимал, что их связывает. Он считал, что Катя просто прилипла к ней из-за денег, что на самом деле она испытывает к Жене исключительно зависть и ничего больше. И Женя не всегда могла найти слова, чтобы объяснить, что Катя – это часть ее жизни с отцом, подруга, которая любит ее, Женю, всем сердцем, и в свое время помогала ей найти свое место среди сверстниц, защищала ее от девчонок во дворе, помогала решать школьные проблемы, внушала уверенность в себе. Была ангелом-хранителем. Старше ее, грубоватая и физически сильная, она была для нее близким человеком. Отца почти никогда не было дома, и Женя зачастую сразу после школы приходила к Кате домой, где ее мама, тетя Римма, кормила ее простой и очень вкусной едой. Таких щей со свининой, которые готовила тетя Римма, Женя никогда и нигде больше не ела, это был просто гастрономический шедевр! А пирожки с ливером?! Когда тетя Римма погибла под колесами троллейбуса (за день до школьного выпускного бала Кати), Женя восприняла это как личную драму. Да и отец не мог сдержать слез, принял активное участие в похоронах.

Конечно, там, в прошлом, осталась та простая и полная маленьких радостей жизнь, но она была, и никакие новые знакомые или друзья Залетаева никогда бы не смогли заменить ей Катю. С Катей было все просто, ей можно было позвонить в любое время суток, рассказать что-то важное, поделиться, спросить совета даже тогда, когда ясно было, что ничего полезного или дельного она все равно не скажет. Но выслушает, посочувствует, а может, и приедет, обнимет, успокоит так, как умеет только она. Постепенно и Залетаев привык к Кате, решил, вероятно, что лучше уж Катя, чем какие-то новые знакомые, живущие поблизости в богатых домах и вряд ли способные на искреннюю дружбу. Некоторые соседи пытались подружиться с Залетаевыми, приходили на ужин, приглашали к себе на разного рода вечеринки, но отношения ни с одной из семей так и не сложились. Володя не хотел их развивать, все эти люди оставались для него чужими, словно из другого мира. Его устраивало, что Женя круглосуточно занимается детьми и садом (понятное дело, что не без помощи няни и садовника), и только время от времени принимает у себя Катю или же отправляется с ней в город на прогулку, где угощает подругу обедом в ресторане или они вместе ходят по магазинам.

Однако именно сейчас Жене было спокойнее все же без Кати. Она всегда привлекала к себе внимание, во-первых, своим внешним видом, во-вторых, громким голосом, шумом при каждом движении, прорывающимся постоянно недовольством по поводу плохого обслуживания или разных других мелочей, когда она, стесненная в средствах, пыталась сыграть уверенную в себе состоятельную тетку. Чаще всего это вызывало смех у Жени, но иногда ее все-таки приходилось сдерживать, просить вести себя поприличнее и тише.

Нет, все-таки она правильно сделала, что оставила детей у Татьяны, а не у Кати. Да и вообще, в данной ситуации она нашла в себе силы не растеряться и все взять под свой контроль. Конечно, без телефона она чувствовала себя некомфортно, потому что в нем, помимо возможности связи, было сосредоточие разных милых развлечений – игрушек, музыки, информации. Мысли ее часто возвращались к телефону, особенно когда она видела, как буквально все, словно сговорившись, не выпускают их из рук. Кто-то разговаривает, кто-то в наушниках, опутанный проводками, слушает музыку или, может, аудиокнигу, кто-то играет в игры. Надо заставить себя не думать об этом и просто постараться уснуть, чтобы время до утреннего рейса пролетело быстрее.

Она расположилась в зале ожидания на твердом и очень неудобном сиденье, расслабилась и закрыла глаза. Появляющиеся мысли, тревожные и наводящие тоску, она мысленно отрезала большими, рожденными ее воображением, ножницами. Щелк – и она не станет думать о том, на что намекнул ей следователь Седов: о том, что Володю отравили. У него и без того болело сердце, хотя он старался как можно меньше говорить об этом. Гнала она от себя и версию о наследниках Залетаева, которые вместо того, чтобы прийти и поговорить, хотя бы попытаться договориться о своей доле в наследстве, решили действовать таким вот криминальным образом – стрелять в детей. Щелк – и не надо думать о том, что они нашли Борисовых с детьми...

Она все же уснула, а когда проснулась, пошла в туалет и умылась, причесалась, подкрасила губы и постаралась взглянуть на себя как бы со стороны. На кого она похожа? Худая, бледная, с сиреневыми кругами под глазами, волосы, хоть и чистые, но какие-то неприбранные, торчат в разные стороны. Женя достала резинку и собрала их на затылке в свободный узел. Затем, пользуясь тем, что в туалете, кроме нее, никого не было, положила несколько розовых пятен помадой на щеках и растерла ладонями. Румянец – вот что преобразило ее, сделало цвет лица здоровым. Вышла, вернулась на свое место, достала фотографию варненского отеля и принялась изучать ее. Это была не обычная фотография, а своеобразный коллаж из четырех снимков. На первом был снят крупным планом цветной витраж на круглом, похожем на иллюминатор, окне, с изображением не то ангела в белых одеяниях, не то клоуна.

На втором – узкая мрачная лестница, ведущая наверх, с массивными полированными перилами шоколадного цвета. На третьем – небольшой садик или дворик, большей частью скрытый зеленым полотняным навесом, под которым стоял большой стол, накрытый к завтраку: чашки с кофе, корзинка с булочками, вазочка с розами. Часть дворика заставлена многочисленными горшками с геранями и фиалками. Снимок очень уютный, но сделанный в пасмурный день. И, наконец, четвертый снимок изображал большую уютную комнату с горящим камином и заставленную разными ящиками с бутылками, коробками со сложенными клетчатыми пледами, столом, на котором в живописном беспорядке можно было разглядеть книги, журналы, сигареты и пепельницу, пустые чашки, хрустальный фужер, мятые купюры евро... Словно картинка из квеста – найди предмет.

Ночь она провела в аэропорту; измаялась, глаза словно высохли от бессонницы, рот тоже пересох. Окончательно придя в себя примерно за два часа до рейса, Женя купила холодной минеральной воды и напилась. Затем заглянула в ресторан, где вечером ужинала, расположилась за столиком и заказала себе кофе и круассан. Странное ощущение легкости появилось именно тогда, когда она сделала несколько первых глотков кофе. Может, она сбросила вес от переживаний, а может, она просто стала другой, у нее изменился химический состав крови. Она стала легче, подвижнее, свободнее. Ее тело словно готовилось к чему-то новому. Может, каким-то испытаниям, связанным с физическими нагрузками? Может, там, в неизвестной ей Варне, предстоит много ходить?

Варна... Еще немного, и она приземлится в аэропорту, оторвется от прежней, ставшей такой сложной жизни и полной грудью вдохнет морского воздуха!

6

Володя был прав, когда сказал, что в Варне все знают русский. Это началось с таксиста, веселого шустрого парня, который привез ее из аэропорта в самый центр и который всю дорогу болтал по-русски с приятным акцентом, и продолжилось в кафе на бульваре, ведущем к морю.

День оказался погожий, солнечный, нежный. Выбирая место, где можно было бы выпить чашку кофе и позавтракать, Женя медленно прогуливалась от гостиницы «Черное море» до спуска к Приморскому парку», пытаясь осознать, что она уже не в Москве, а в Болгарии, и что все эти по-утреннему одетые в светлые и легкие одежды люди, расположившиеся за столиками многочисленных кафе – иностранцы. Да, проходя мимо людей, она слышала русскую речь. Русских действительно было много. Женщины в возрасте шли к морю, держа за руку внуков, парочки, обнявшись, говорили о чем-то по-русски, но вот, к примеру, компания светловолосых старичков в сопровождении худосочных блондинок преклонного возраста были явно либо англичанами, либо представителями скандинавских стран. Все пили кофе, курили. На летней террасе большой, в два этажа, кондитерской «Эндорфино» пили кофе и курили толстые коричневые сигары мужчины лет за шестьдесят. Пять человек. Явно друзья. Они почти и не разговаривали, а просто наслаждались утром, солнцем, сонно наблюдали за проходящими мимо кафе людьми, никак ничего не комментируя. Несколько рыжих симпатичных крупных дворняг с желтыми чипами в ушах, явно из одного помета, расселись и улеглись рядом с кафе на аккуратных зеленых островках газонной травы в надежде, что кто-нибудь бросит им кусок мягкой булки или колбасы.

Выбирая кафе для утреннего кофе, Женя, дойдя до круглой площадки перед самым спуском к морю, рядом с отелем «Одесос», развернулась и двинулась в обратную сторону, решив пройти подальше мимо перекрестка рядом с отелем «Черное море», который она считала пока что своим основным ориентиром. Пройдя еще один квартал, она обратила внимание на то, что на этой улице, являющейся как бы визуальным продолжением бульвара, туристов значительно меньше. Вот маленькая хрупкая женщина, кутающаяся в теплую кофту, несмотря на теплое утро, прижав к груди пакет с хлебом, открыла свободной рукой тяжелую дверь красивого старинного особняка и скрылась за ней. Болгарка. Живет в самом центре. Сейчас она сварит себе кофе и позавтракает в одиночестве. Трудно было объяснить, почему Женя решила, что женщина живет одна. Вероятно, было что-то в ее лице, в той особой сосредоточенности или даже печали, что навело Женю именно на эти мысли.

Молодежь была одета ярко, нелепо, в дранные джинсы и разрисованные яркие футболки. Практически все курили, смеялись, многие шли с плеерами, слушая музыку.

Женя вернулась на бульвар, вошла в тень деревьев, любуясь высаженными повсюду цветами, и, надышавшись этой утренней морской Варной, выбрала итальянское кафе с террасой под полосатым полотняным тентом, села за стеклянный столик в удобное плетеное кресло и как-то сразу пожалела о том, что сто лет тому назад, задолго до встречи с Залетаевым, бросила курить.

Здесь все располагало к тому, чтобы вернуться к этой приятной привычке. Кофе и сигареты. Кажется, она даже встречала такое название фильма. Что ж, это как война и мир, как воздух и вода, соль и сахар. Это классика. Это кайф.

Официантка в длинном синем фирменном фартуке задержалась возле ее столика, улыбнулась ей.

– Мне кофе, если можно, с молоком.

– Да, хорошо, – ответила девушка, успев проявить свой акцент даже в одной фразе.

Примостив рюкзачок на соседнее кресло, Женя окончательно расслабилась и стала поджидать свой кофе. Мысли ее лениво кружились вокруг основной цели, ради которой она сюда и приехала. Пойти туда, не знаю куда, и найти то, не знаю, что – отель, названия которого она не запомнила, не говоря уже об адресе.

Позади нее за столиком сидела худенькая девушка в больших солнцезащитных очках, которые закрывали чуть ли не все ее лицо. Она тоже пила кофе, но только без молока. Рядом с блюдцем ветерок играл с обрывками бумажек из-под коричневого сахара. В большой прозрачной пепельнице дымилась тонкая сигарета «Карелия», ее конец нависал над горкой смятых окурков, которые девушка уже успела выкурить за это утро. Девушку звали Мика, она неделю назад потеряла работу официантки в кафе, и вот теперь каждое утро отправлялась на поиски новой. У нее были слабые пальцы рук, поврежденные ревматоидным артритом, и потому она часто роняла подносы, за что ее то и дело увольняли. Но она любила свою работу, ей нравилось подавать кофе и еду туристам, да и вообще, она и жизни не мыслила себе нигде, кроме этого приморского бульвара. Здесь она работала всю свою сознательную жизнь, и посудомойкой, и уборщицей, а потом и официанткой. Она была хороша собой, ее маленькое смуглое лицо с большими миндалевидными глазами черного цвета обрамляла роскошная кудрявая шевелюра темных блестящих волос.

Она сразу заметила эту русскую девушку в голубых джинсах и куртке, расположившуюся в двух шагах от нее и заказавшую кофе с молоком. Девушка не курила, хотя зачем-то несколько раз покрутила чистую пепельницу в руках. Может, сигарет не успела купить. Вот если бы она повернулась и спросила у Мики сигаретку, она сразу бы ее угостила. Да еще и зажигалку подарила, у нее в каждом кармане по паре зажигалок на любой вкус.

То, что произошло в следующие доли секунды, Мика еще долго не забудет. Какой-то высокий парень с рыжими волосами, в коричневых вельветовых джинсах и зеленой водолазке протиснулся между плетеными креслицами, скрыв на мгновение от Мики русскую девушку, и в следующую минуту его зеленая водолазка уже мелькнула в соседнем кафе (должно быть, он протиснулся между ящиками с розовыми петуниями, отделявшими территорию одного кафе от другого). Прямо на глазах обалдевшей и онемевшей от неожиданности Мики он, находясь всего в нескольких шагах от русской, в соседнем кафе, вытряхнул из ее коричневого, натуральной кожи, рюкзачка все содержимое, забрал кошелек и какие-то карточки, остальное (какие-то женские мелочи типа бумажных носовых платков, помады) сунул обратно в рюкзак и швырнул под столик. И исчез. Просто испарился. Мика, перепрыгнув через цветник, кинулась, чтобы подобрать хотя бы рюкзак, а потом, выбежав из кафе, оглянулась, надеясь увидеть зеленую водолазку или огненную шевелюру вора. Бесполезно. Его нигде не было. Он за одну минуту ограбил девушку. Мика вернулась за свой столик, достала из кармана джинсов сложенный в несколько раз пакет, который прихватила с собой чтобы купить хлеба, и сунула туда рюкзак. Не хватало еще, чтобы «рускиня», обнаружив пропажу, обвинила ее, Микку, в воровстве. Мика уже не чувствовала вкуса своего остывшего кофе, все ее внимание теперь было сосредоточено на девушке, которая, щурясь от солнца и ничего не подозревая, все подливала и подливала в свой кофе молоко из маленького белого кувшинчика. Бедняжка. Что-то сейчас будет. Конечно, лишиться денег в чужом городе – это катастрофа. Но не для таких, как эта русская. Она явно богачка. И хотя в ушах у нее скромные сережки, все равно, весь ее вид, даже простые с виду джинсы и майка с курткой, выдают в ней девушку состоятельную. Мика за долгие годы работы в кафе и ресторанах научилась различать богатых и тех, кто такими хочет казаться. У богатых особый взгляд, движения, разговор. Они более уверенные в себе, спокойные. Не суетливые, и глаза не бегают.

– Ой... Мой рюкзак...

Вот оно, началось представление! Мика готова была сама признаться себе в том, что совершила преступление, не закричав, ничего не предприняв, чтобы помешать вору скрыться.

Просто она так четко успела представить себе весь расклад после того, как она закричит, мол, ловите его, он украл рюкзак, что смысла поднимать шум не увидела. Успеть схватить его она сама не смогла бы. Две официантки в это время находились внутри кафе и уж точно ничего бы не сделали. В этой части террасы и людей-то, кроме Мики и русской девушки, не было. Полицейских здесь она вообще не видела. И что? Вот поэтому она рванула за ним сама, чтобы хотя бы забрать рюкзак. Он опытный вор, смог либо проворно смешаться с прохожими, либо нырнул внутрь соседнего кафе и выбежал через кухню.

– Девушка, у меня здесь был рюкзак, вы не видели? – спрашивала русская у официантки.

И вот в этот момент она встретила взглядом с Микой. Глаза ее смотрели растерянно, она ртом хватала воздух, ей так многое хотелось сказать: меня обокрали, где мой рюкзак, вы не видели, кто бы это мог сделать...

Мика поднялась и приблизилась к ней.

– Я могу вам помочь? – спросила она, отлично владея русским, как и все официантки на бульваре «Сливница».

– У меня здесь рюкзак был, вы не видели, кто его взял? – В голосе девушки звучали слезы. – Господи, там все мои деньги! Карточки!

– Нет, я не видела, – с трудом солгала Мика. А что она могла ей сказать? Извините, я все видела, но не закричала, потому что поняла, что его все равно никому не догнать? Или просто признаться в том, что она растерялась? Но тогда ее смогут принять за соучастницу этого рыжего, и оправдывайся потом!

Между тем официантка смотрела на нее в упор в ожидании платы.

– Вот, возьмите... – И русская стала дрожащими руками расстегивать сережку.

– Сколько она тебе должна? – спросила, отчего-то разозлившись, Мика, – Чего смотришь так? Не видишь, ограбили человека. Сколько? Я заплачу.

– Два лева, – ответила официантка. Получив от Мики деньги, она исчезла.

– Оставь свои... обыщи... – Она забыла, как по-русски «сережки», – Оставь!

Она показала на сережки.

– Спасибо большое! Господи, надо же... Где здесь полиция?

– Да не найдут они ничего. Все. Ничего не сделаешь. У тебя же есть телефон, позвони своим, скажи, чтобы прислали денег.

– У меня нет телефона.

Мика не поняла. Как это у такой девушки и нет телефона.

– А где же он? Тоже украли?

– Почти, – ответила раздраженно русская, оглядываясь, словно надеясь увидеть проходящего мимо нее вора с ее рюкзаком на плече.

– Ты можешь позвонить с моего телефона, правда, это дорого, но ничего, переживу. Ты только быстро скажи, чтобы меньше минуты. Не обеднею.

– Нет, я не могу звонить... Да и номера не знаю.

Вот что значит мобильный телефон. Она на самом деле не знала номера телефона Борисова, не говоря уже о номере Татьяны. Все. Она попала в самую настоящую западню. Разве что обращаться в русское консульство и объяснять ситуацию? Но что они могут для нее сделать? Искать Борисова?

– Ты знаешь, где консульство? – спросила Женя Мику.

– Все знают. Это недалеко, за Общиной. Думаешь, придешь, и они дадут тебе денег? Ты серьезно? Меня Мика зовут. А тебя?

– Женя. Мика, спасибо, что заплатила за кофе.

Они вышли и направились к Морскому парку. Еще недавно Женя прогуливалась здесь же, по бульвару, чувствуя себя свободной и полной сил. Сейчас же она едва шла, словно вместе с деньгами ушла сила из ее тела.

– Может, ты покажешь мне, где можно сдать золото?

Женя тронула себя за ухо. Сережки не было. Она бросилась обратно в кафе и, к счастью, нашла сережку на полу рядом с ножкой стола. К Мике она вернулась, плача.

– Это же серебро, – сказала Мика, глядя на сережки Жени.

– Нет, это платина с бриллиантами, – со вздохом сказала она, и, представив себе, что на вырученные деньги ей придется покупать самый дешевый билет до Москвы, она захныкала. Это было похоже на надвигающуюся истерику. Это уже слишком. Это даже не последняя капля, это просто конец. Это смерть.

– Мика, что мне делать? – обратилась она к девушке-болгарке, совершенно чужому человеку в чужой стране, просто не найдя рядом никого другого, – У меня здесь, в Варне, важные дела. Мне нельзя возвращаться в Москву. И мне нужны деньги. Может, ты поможешь мне найти работу?

Это было первое, что пришло в голову.

– Не знаю... Нужно подумать. Честно говоря, я и сама каждое утро выхожу из дома с целью найти работу, но пока что безрезультатно. А что ты умеешь делать?

– Ничего. Совсем ничего.

– Ну, тогда будем искать работу вместе. Пойдем.

– Куда?

– Сейчас увидишь.

И Мика уверенно свернула с бульвара налево, они оказались на узкой улочке, прошли, прячась в тени старых добротных домов, квартал и, не доходя до бело-красного нарядного многоквартирного дома, выглядевшего как респектабельный отель, свернули еще дважды налево и оказались в очень странном месте. Это был внутренний дворик, зажатый со всех сторон солидными домами и старинными особняками, застроенный какими-то странными сооружениями из блоков, деревянных панелей, словно маленький человеческий муравейник с отдельными входами, крохотными застекленными террасками, и все это под могучими и пышными кронами огромных старинных лип.

Помимо лип, дворик захватили густые сиреневые кусты. Сирень уже давно отцвела, и теперь ржавые кисти некогда пышных соцветий портили вид блестящей рельефной листвы.

– Голову опусти, чтобы лицо не поцарапать, – сказала Мика, подныривая под такой вот куст и, поймав руку Жени, потянула ко входу в маленькую квартирку, в которую надо было еще подняться по узкой деревянной лестнице до уровня второго этажа.

– Господи, Мика, куда ты меня привела?

– Я здесь живу, – бросила через плечо Мика, вставляя ключ в замок голубой металлической двери, рядом с которой находилась застекленная и похожая на скворечник терраса с распахнутыми окнами и заставленная многочисленными горшочками с цветущими геранями и амариллисами.

– Проходи! Добре дошла!

– А, поняла, это типа нашего «добро пожаловать», хорошо, спасибо.

Она вошла следом за Микой в помещение, напоминающее небольшую студию, часть которой занимала маленькая кухня, а остальное пространство – какая-то миниатюрная и явно случайная – быть может, принесенная со свалки – мебель: кушетка, два разномастных диванчика, кресло, старинные, но очень ветхие стульчики, деревянная кровать, журнальный столик и электрический камин.

– Садись куда хочешь, здесь чисто, ты не смотри, что такое все... не новое...

Женя присела на кушетку. Огляделась. Это что же такого в своей молодой жизни она успела совершить грешного, нехорошего, что судьба закинула ее в этот скворечник?

– Мика, мне надо раздобыть денег и вернуть документы. Иначе моя поездка сюда окажется совершенно бестолковой. Быть может, я все-таки обращусь в полицию?

– У меня парень – полицейский, правда, он из другого района. Я ему позвоню, он приедет, и ты ему все расскажешь.

– А чего же ты ждешь?

– Ну хорошо, прямо сейчас и позвоню.

Мика, слегка задетая тоном своей новой русской приятельницы, уселась в кресло и достала телефон.

Хоть она и говорила на болгарском, Женя отлично все поняла. Славяне! Ну, конечно, она рассказала, что приютила русскую девушку, которую ограбили в кафе. Все правильно.

– Его зовут Миленче? Какое странное имя...

– На самом деле его зовут Милен, но я ласково называю его Миленче.

– Ладно. И что он сказал?

– Что сейчас занят, вечером заедет. Что за дело у тебя, Женя, в Варне? Быть может, я могу тебе чем-нибудь помочь?

А ей действительно хотелось ей помочь. И она откуда-то знала, что если поможет ей, то и Женя тоже ей когда-нибудь пригодится. Быть может, денег одолжит или посоветует кого-то из русских, чтобы ее взяли на работу. Люди должны помогать друг другу.

– Да ты мне уже помогла, Мика. Если бы не ты, как бы я расплатилась за кофе? И где бы осталась, на улице? А дело у меня такое – мне нужно найти один отель.

– А, поняла! У тебя забронирован отель, и ты не можешь его найти? Так тебе есть где ночевать?

– Нет, ты неправильно меня поняла. Просто у меня там одно важное дело.

Она не торопилась рассказывать Мике о том, что ищет свой собственный отель. Девушка она совсем незнакомая, лучше придержать эту информацию. Мало ли что.

– Так давай вместе найдем. Говори название, сейчас по карте в телефоне быстро найдем.

– Да не знаю я название. У меня есть только вот это, – и Женя протянула ей фотографию-коллаж.

– Видела когда-нибудь такой витраж?

– Нет, не видела. Ты что, даже адреса не знаешь? И как же мы будем искать?

– Понятия не имею. Но когда найдем, мои дела должны как-то сами собой наладиться.

– Понятно, – сказала Мика, которая, конечно же, ничего не поняла. – Ладно, ты отдыхай.

Вот прямо ложись и приходи в себя. Подождем Милена, может, он поможет.

Но Женя не верила, что знакомый полицейский найдет рюкзак с документами и деньгами.

И тут вдруг Мика захрустела пакетом, и на колени потрясенной Мики упал ее рюкзак!

– Мать, ты что, охренела? – Женя вскочила с кушетки и, не глядя на Мику, принялась вытряхивать из расстегнутого рюкзака все содержимое на стол. – Что все это значит? Ты куда дела мои карточки? Деньги? У меня только в кошельке был о больше тысячи евро, плюс болгарские деньги, которые я успела поменять в аэропорту!

Мика, красная, как болгарский перец, тихо, но четко рассказала ей про рыжего вора.

– Мика, ты серьезно мне это сейчас говоришь?

– Ну да.

– Ты действительно не понимаешь, что, если бы ты закричала «Держите вора!», я сама бросилась бы за ним и наверняка догнала! Я очень, очень быстро бегаю! Да я бы башку его отвернула, понимаешь?

Мика захлопала ресницами.

– То есть ты спокойно дала ему уйти, потом забрала мой рюкзак и все это время носила его с собой в пакете и молчала?

– Не хотела давать его тебе на улице. Я же понимала, какая будет реакция. Подумала, что ты кричать будешь на меня. Обзывать воровкой, а вокруг люди, многие меня знают, я же работала здесь во многих кафе и ресторанах. Стыдно.

Женя вдруг совершенно не вовремя подумала о том, что какое это счастье, что Мика так хорошо говорит по-русски. Может, она и глуповатая, но сердце у нее доброе.

– Ни одного рубля... вернее, лева... Я не знаю, что делать, как быть...

Она хотела сказать, что уже не помнит, когда была в таком положении – без денег. Брак с Залетаевым избавил ее от этой проблемы. Грандиозной проблемы. И вот теперь, когда он умер, проблема как-то очень уж быстро вернулась. Во всей своей опасности и со всеми страхами. Они с отцом, конечно, не голодали, но денег катастрофически не хватало. Особенно Женя страдала от отсутствия приличной одежды. А еще постоянно хотелось чего-то сладкого, каких-то конфет, пирожных. Выйдя замуж за Володю, она вообще первые месяцы просто отъедалась. И ужасно жалела, что отец не дожил до того времени, когда она зажила сытой и благополучной жизнью.

– У меня есть немного денег, не пропадем. К тому же у меня есть кое-какие продукты.

И Мика, распахнув холодильник, достала пластиковый контейнер с брынзой и баночку с кислым молоком.

Женя зачем-то открыла контейнер и, понюхав уже не совсем свежую брынзу, подозрительно желтоватого цвета, поморщилась.

– Я такую гадость есть не буду.

– Мы хлеба купим или баницу.

– А что такое баница?

– Такая булка с брынзой.

– Понятно, ты хочешь уморить меня этой брынзой. Мика, давай соображай, как дальше жить будем? Что делать? Может, все-таки отнесешь мои серьги в скупку?

– Не знаю... Вернее, знаю, кто может купить, но много не дадут.

– Не важно. Мне сейчас нужны хоть какие-то деньги, чтобы продержаться до того времени, как найду отель.

Мика пожала плечами.

– Ладно, давай свои обицы.

7

Оставив свою «рускиню» дома, Мика отправилась в одну знакомую ей «заложенную кышу», своеобразный маленький ломбард, куда в свое время носила и свои какие-то скромные украшения, и однажды обнаруженные после вечерней смены в ресторане на полу мужские часы (они оказались золотые, и приемщик дал ей за них целых двести левов!), и даже старый ноутбук, за который она выручила, смешно сказать, всего восемьдесят левов.

Красивый молодой парень, от которого пахло сладкими, чуть ли не женскими духами, скучал за прилавком. Увидев Мику, вздохнул – неинтересно, неденежно, скучно.

– Привет, Хасан. Вот, меня попросили продать. Говорят, белое золото. Платина.

Хасан посмотрел на Мику как-то странно.

– Ты давно без работы?

– Давно, а что?

– Не ожидал я от тебя такого.

– В смысле? – Кровь ударила ей в голову, она поняла, на что он намекает.

– Хасан, ты дурак, что ли? – По-болгарски это звучало довольно грубо, – Говорю же, меня попросили продать. Одна русская.

– А что же она сама не пришла? Туристка?

– Ну да. А почему это тебя так интересует?

– Да потому что это краденое, и у меня будут проблемы.

– Да ничего я не крада! Давай сюда обратно серьги!

– Никакое это не белое золото, это серебро, и, если не хочешь, чтобы я вызвал полицию или сказал кому следует о том, что ты пошла по кривой дорожке, забирай двадцать левов за серьги и уходи. Слышишь?

– Да это я позвоню Милену и расскажу, как ты меня тут оскорбил и обокрал...

– Я не знаю, о каком Милене ты говоришь, вернее, ты всякий раз грозишься каким-то знакомым полицейским, но я так думаю, что ты его просто придумала! Ну так что, берешь свои двадцать левов или я звоню в полицию?

– Отдай серьги! – Она выхватила сережки и бросилась к дверям. А так хотелось вернуться и ударить этого противного и алчного Хасана. С чего это он взял, что серьги краденые? Что в них такого? Все-таки наверняка платина с бриллиантами... Все, больше она никуда их не понесет. Пусть Женя сама ходит с ними.

Мике почему-то захотелось плакать. Но вместо этого она купила пачку «Карелии» усеелась в сквере на скамейку и с наслаждением затянулась сигареткой.

Зачем Женя ищет отель? Странно как-то все это. Ни названия не знает, ни адреса. Что она там забыла? Может, у нее там встреча? Предположим, была здесь, в Варне, в прошлом году, познакомилась с парнем, потом они расстались, после помирились и договорились встретиться снова в том же отеле. Да только она ни названия не запомнила, ни адреса... Хотя название улицы она, может, и не вспомнит, но хотя бы где, в каком районе отель? Если в центре, то Милен ей скажет, он всю Варну знает.

Думая о предстоящей встрече с молодым полицейским, Мика волновалась. Он был красивым и добрым парнем, да только глубоко и прочно женатым. Заглядывал иногда к Мике в ее квартирку, мог задержаться на пару часов. Всегда приносил то мороженое, то конфеты. Уходя, всегда целовал ее в нос, как ребенка. Для таких вот редких свиданий у Мики в сумочке всегда была припасена пачка презервативов. Сегодня они явно не понадобятся. Да уж, и что делать с этой Женей? Как ей помочь?

Докурив, она поднялась со скамейки, перешла через дорогу, зашла в магазин и купила хлеб и две маленькие банички с брынзой.

Она никак не могла для себя решить, радоваться ей появлению в ее жизни (и квартире) русской или огорчаться. Кормить-то ее нечем. Да и ток скоро отключат за неуплату, что они тогда будут делать? Сидеть вечерами при свечах?

Так не хотелось возвращаться в больницу, где она все холодное время года работала уборщицей. Да, там никому нет дела до твоих больных и слабых рук, мой себе полы шваброй, и все. Никаких проблем. Утром она выпивала чашку кофе с сахаром, на обед забежала в соседнее кафе, где покупала себе горячий куриный суп с хлебом и чай, а вечером ужинала у себя дома подогретыми котлетами или брынзой. Комната небольшая, электрический камин хорошо прогревал комнату, да и одеяло было турецкое, набитое овечьей шерстью, теплое. Правда, счета за электричество всегда приходили большие, почти вся зарплата и уходила. А как она, скучая в больничных стенах, мечтала о весне и лете, когда она устроится официанткой поближе к морю, как окупится в мир праздных и ленивых туристов, как станет экономить, принося ночью домой полные контейнеры вкусной еды, как накопит денег, чтобы купить себе новые джинсы и куртку.

Она и не заметила, как вернулась домой, легко взлетела по лестнице, открыла дверь и испытала почему-то радость, увидев крепко спящую на кушетке под пледом Женю. Стараясь не шуметь, она выложила из пакета хлеб с баничками, села возле открытого окна, выходящего на террасу, с сигареткой и закурила. Надо бы бросить курить, столько денег уходит на курево. Лучше на эти деньги покупать молоко или фрукты. Или вообще откладывать, чтобы накопить хотя бы на серебряную цепочку.

Мика сунула руку в кармашек джинсов, где лежали сережки, чтобы еще раз спокойно рассмотреть их. Но сережек не было. Ни в одном кармане. Она их потеряла. Вот просто взяла и потеряла. Выронила. Может, в сквере, когда доставала из кармана зажигалку с сигаретами. Или в магазине, когда расплачивалась мелочью за хлеб. Маленькие и легкие, она зацепились за что-то и выпали. Платина с бриллиантами.

Как она докажет теперь, что она не украла их?! Сначала деньги с карточками, теперь вот серьги.

Она посмотрела на Женю. Хотела разбудить, чтобы рассказать о пропаже драгоценностей, но передумала. Пусть поспит еще, пусть пока не знает.

И Мика тихо заплакала.

8

– Не плачь, что-нибудь придумаем.

Вот так она сказала, когда услышала о пропаже серег. И это в ее-то положении! Ни накричала на нее, ни в чем не упрекнула и не обозвала воровкой, как Хасан.

Придумаем. Милен, хоть уже и стемнело, так и не пришел. Оно и понятно, курортный сезон начался, работы полно, да и семья у него.

Вот что тут можно придумать?

– Дай и мне сигаретку, что ли, – попросила Женя. – Хочу выйти на твой балкон или террасу... Сколько цветов!

Она вышла и села на маленький мягкий стул, едва уместившийся между горшками с цветами. Рядом на крохотном столике стояла пепельница. Вся зелень, окружавшая странное строение, которое Мика называла своим домом, сейчас, когда на город опустился вечер, стала блестящей, изумрудной, подсвеченная электрическим светом, льющим из окон расположенного в паре шагов от террасы огромного, похожего на рождественский торт с клубничным кремом, многоэтажного дома. Женя, как-то сразу вспомнив, как надо курить, и с наслаждением затягиваясь сладким дымом незнакомых ей сигарет, начала всматриваться в окна. Вот где протекала настоящая, яркая и полноценная жизнь. Люди перемещались из комнаты в комнату, разговаривали, ели и пили, курили, кричали, смеялись, обнимались, слушали музыку, смотрели телевизор...

– Мика, ты где? Я есть хочу!

Мика мгновенно оказалась у нее за спиной. Места для второго стула на террасе уже не было.

– Хлеб могу предложить, баницу, кофе или билковый чай.

– Какой чай?

– Билковый, травяной.

– Наркотик, что ли? – Жене лень было даже поворачивать голову.

– Нет, мятный или каркаде.

– А... понятно. Не так я представляла себе вечер в Варне. Думала, сниму номер люкс в отеле, вечером поужинаю в хорошем ресторане. Это же надо – ограбили! В первый день. Среди бела дня!

– Вообще-то у нас тут спокойно, вот первый раз такое вижу...

– Будем считать, что мне крупно повезло. А кто та девушка в окне? – Женя внимательно разглядывала расположенные напротив окна. – Мечется из комнаты в комнату. То сидела перед зеркалом в спальне, красилась-мазалась, потом нарядилась и вот ходит теперь, как тигрица по клетке.

– Ее зовут Соня. Если вкратце – ей с мужчинами не везет. Фатально. Она для них все, а они попользуются ею и бросают. У нее денег много, и они тянут с нее. Она часто меняет кавалеров. И все красавчики такие. Вот каждый вечер кого-нибудь ждет, чтобы отправиться с ним в ресторан, и боится, что он не придет. Но кто же откажется поесть за чужой счет? Приходит, сначала они идут в спальню, ну а потом... Потом уже она подправляет макияж, и они уходят. Возвращаются вместе, и мне все-все слышно, что происходит в спальне... Это просто концерт... А утром часто слышу, как она ругается, она вообще очень эмоциональная, кричит, говорит, что тебя, мол, интересуют только мои деньги... Думаю, она все-таки дура. Сама же тратит на них, и упрекает. Так не трать! Найди себе мужчину с положением, состоятельного...

– А чем она занимается?

– У нее бюро переводов.

– Молодец. А я вот ничего не умею. Ну просто совсем.

И тут, как по сценарию, рассказанному Микой, на террасе противоположного дома появился мужчина с зажженной сигаретой.

Женщина, Соня, выглянув к нему, что-то спросила, Женя не поняла.

– Она спросила, может, он хочет, чтобы она приготовила ужин, и тогда они останутся дома, – перевела Мика.

– Если есть Бог на свете, – неожиданно для Мики сказала Женя, – то они пойдут в ресторан.

– В смысле?

События развивались стремительно, как на сцене: целующаяся парочка задержалась на балконе, затем любовники скрылись в глубине квартиры, и Женя услышала вполне себе характерные звуки, доносящиеся из спальни девушки по имени Соня.

– Да у тебя тут прямо театр! Развлекалово! – засмеялась она. – Интересненько живешь! А еще кто-нибудь в этом твоём доме живет, кому посчастливилось наблюдать это реалити-шоу?

– Два студента снимают комнаты, но они уехали в Грецию.

– Думаю, им тоже здесь не скучно, а?

– Что поделать? Я же не нарочно... Просто так вот все... близко...

– Ты, наверное, про многих здесь все знаешь, а?

– Да, разные истории происходят... Вон там, видишь, мужчина с женщиной сидят за столом, и телевизор во всю стену. Там русская одна живет, Валентиной зовут...

– Уходят, – Женя перешла на шепот, – Тсс... Потом расскажешь.

Соня с приятелем вышли из квартиры. Свет погас.

– Мика, ты оставайся здесь, а я сейчас...

Женя открыла дверь и спустилась по лестнице вниз в темноту, Мика услышала, как зашелестели кусты сирени.

– Ты знаешь, что здесь, прямо под тобой, старый сад? Яблоня... – услышала она уже откуда-то снизу.

– Да, знаю, и что?

– Осенью яблоки будешь собирать, варенье варить.

Мика глазам своим не поверила, когда увидела, как Женя забирается на яблоню и, балансируя на длинной ветке, соприкасающейся с перилами террасы Сониной квартиры, двигается прямо туда. Все, добралась, прыгнула, открыла балконную дверь и скрылась в темноте квартиры.

Мика от страха замерла, вглядываясь в окна. Вдруг загорелся огонек. Зажигалка! Женя освещала себе путь, уверенно перемещаясь по чужой квартире, зажигалкой из коллекции Мики. Через несколько минут Женя вернулась.

– У нее в спальне на туалетном столике шкатулка с украшениями, и там же – полно денег... я взяла несколько купюр, правда, не разобрала, сколько и какие...

– Женя... ты украла у Сони деньги?

– Не украла, а одолжила. Я не вор. Просто попала в трудное положение, из которого надо как-то выкарабкаться, поняла? Не смотри на меня как на уголовницу. Я не бандитка. Я – добропорядочная и законопослушная мать двоих маленьких детей, понятно? И приехала сюда, чтобы позаботиться об их будущем, вот так. И этот отель, что я ищу – мой. Мне подарил его мой муж, который неделю тому назад умер. Потом подробно расскажу, а сейчас просто объяснила тебе, что я не мошенница и не воровка. Ты же тоже не воровка? И я тебе, между прочим, поверила, хотя уже два раза могла бы сдать в полицию. Ну, отвечай, ты воровка?

– Нет...

– Вот и я – нет. У этой Сони денег, как у дурака махорки...

– Не поняла. Что такое махорка?

– Не важно. Главное, Мика, что теперь у нас есть деньги, и мы с тобой отправляемся в ресторан! Ну-ка, посмотри, сколько левов?

Мика щелкнула своей зажигалкой и ахнула.

– Здесь пятьсот левов! Огромные деньги!

– А сколько нужно, чтобы хорошо поужинать, ни в чем себе не отказывая?

– Думаю, на двоих в пятьдесят левов уложимся.

– Ну, тогда пошли! Представляешь, у меня в рюкзаке помада есть! Не украл, скотина рыжая!

Давай, Микочка, прихорашивайся, нас ждут великие дела!

Они вышли из дома, заперев на все замки голубую дверь, спустились в садик, выбрались по темноте на улицу и, пройдя буквально несколько шагов, оказались на сверкающем, переливающимся вечерними огнями бульваре Сливница. Бесконечные ряды ресторанов под открытым, усыпанным звездами небом, крики огромных чаек – гларусов, запахи горячей пищи, духов, сигаретного дыма...

– Ну, давай, подсказывай, где здесь хорошо кормят?

– Да везде! – сказала Мика, чувствуя, как ее рот наполняется слюной. Она старалась не думать о том, что Женя только что ограбила Соню. – Вон, видишь, итальянский ресторан...

– Снова итальянский? Надеюсь, не тот же, где меня обворовали и довели тем самым до преступления? – истеричные нотки все же присутствовали в ее голосе.

– Нет, этот мы уже прошли... Вон, видишь, на витрине висят подсвеченные свиные ляжки – хамон? Вот там есть салат-бар, где можно так наесться, на неделю вперед... И постоянно официанты разносят то мясо такое, то другое, то колбасу, то курицу...

– Не хочу салат-бар, хочу что-нибудь варненское, специфическое, морское... Устрицы там, форель, мидии...

– Тогда спустимся вниз, я знаю там одно местечко, прямо на берегу, на пляже. Там выберешь себе все, что хочешь. И обслуживание отличное. Я там бывала как-то, ты не представляешь, какую говядину там подают со спаржей и красным соусом! Пальчики оближешь!

Вместе с толпой нарядно одетых людей они спустились по широкой лестнице прямо к морю, прошли немного и оказались в очень приятном ресторанчике, часть которого была под крышей, остальная же – на пляже; многочисленные столики стояли, утонув ножками в песке. И совсем близко плескалось черное лунное море.

– Ну вот, здесь мне нравится. Чувствуется, что мы на море. А полицейский твой... – и здесь Женя произнесла слово, которое было невозможно перевести, но смысл которого Мика поняла ясно.

– Да, не пришел... Знаешь, может быть, это даже к лучшему. Представь, что было бы, если бы он заявился, когда ты была в Сониной квартире.

– Ты не переживай, Мика. Я небедная девушка, у меня куча денег. Просто я попала в одну пренеприятнейшую историю, понимаешь? И когда я разрулю ситуацию и вычислю, кто стрелял в моих детей...

Мика подняла голову, глаза ее словно быстрее отреагировали на услышанное, чем мозги – они стали в два раза больше!

– Ты не шутишь? – зачем-то ляпнула она, мгновенно сообразив, что сморозила глупость. Разве такими вещами шутят?!

– Нет, – спокойно отреагировала Женя, – Давай, подсказывай, что лучше заказать...

И они принялись листать меню.

8

Пансионат, который выбрали супруги Борисовы, находился буквально в двадцати километрах от их поселка, что было очень удобно. Не пришлось просить соседей поливать огород и цветы.

Борисов вернулся из Москвы как раз к полднику, подавали теплые булочки с молоком. Он вошел в большую светлую столовую санатория, нашел жену с детьми и прибавил шагу.

– Привет, Танечка! И вам, тигрятки, привет! – Он поцеловал малышкой в макушки.

– Ну, садись, рассказывай, как все прошло? Как этот... бухгалтер?

– Да ты знаешь, Женя была права – толковый парень. Я так понял, что она его успела обо всем предупредить. Мы проговорили с ним почти два часа. Конечно, все дела будет вести он, а я как бы контролировать. Очень надеюсь, что все будет в порядке. А что Женя? Нашла тебя в Фейсбуке?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.